

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЪЕ

**ЛУКА,
ИЛИ ТЕМНОЕ БЕССМЕРТИЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Лука, или Темное бессмертие

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Лука, или Темное бессмертие / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18389-6

В новом романе Тилье вновь вступают в игру комиссар Франк Шарко и Люси Энебель. Команда Шарко сталкивается со странными и зловещими обстоятельствами: из номера в подозрительном отеле исчезает беременная молодая женщина, которую бездетная пара готова была озолотить; на дне ямы, вырытой в лесу, находят изуродованное тело; человек, который знает день и час своей смерти, ускользает от полиции. И наконец, они получают письмо, зловещий манифест. Франк Шарко и Люси Энебель начинают мрачную гонку. Часы тикают. Ад только начинается. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-18389-6

© Тилье Ф., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
1	12
2	16
3	20
4	25
5	29
6	32
7	36
8	41
9	44
10	48
11	53
12	56
13	59
14	63
15	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Франк Тилье

Лука, или Темное бессмертие

Посвящается Клоду Мепледу

Переводчик выражает огромную благодарность Андрею Портнову за высокопрофессиональные консультации по поводу всего, что имеет отношение к IT-технологии, что позволило переводчику не выглядеть тем чайником, коим он на самом деле является.

Помни об этой ночи, она залог бесконечности.
Данте Алигьери

Свет, находящийся в нас, стал тьмою. И тьма, в которой мы живем, стала ужасна.
Лев Толстой

© Р. К. Генкина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Июль 2016 г.

Встреча была назначена в дешевой гостинице в Мениль-Амло, в паре километров от взлетных полос аэропорта Шарль-де-Голль. Для Элен и Бертрана Лесаж, супружеской четы, чья семейная жизнь до того протекала без особых встрясок, следующие минуты должны были стать решающими. Их машина стояла в глубине паркинга с потушенными фарами. Бертрану уже не сиделось на месте.

– Наташа должна приехать через пятнадцать минут. Я пошлю ей номер комнаты, как только окажусь внутри.

И хотя Элен Лесаж ждала этого дня целую вечность, одного слова мужа было бы достаточно, чтобы она все бросила. Слишком рискованно, слишком ненадежно. И как можно довериться этой Наташе, которую они никогда не видели? Все, что они о ней знали, сводилось к обмену несколькими электронными письмами.

– Мы еще можем развернуться и уехать.

Бертран вертел в руках толстый конверт – пять тысяч евро купюрами по пятьдесят, плод двухлетней экономии.

– Нет. Мы уже давно бьемся. Пожалуйста, Элен, избавь нас от этого. Мы перебрали все возможности, другого способа нет, ты и сама понимаешь.

– Но мы же ничего о ней не знаем! У нас ни малейшей гарантии, ни малейшей уверенности! Все произошло так быстро! Ты отдаешь себе отчет?.. А если она исчезнет? А если... ну, не знаю, если она будет пить или колоться во время...

– Мы уже это обсуждали. Мы готовились несколько недель, отступать больше нельзя. И потом, я сниму видео. По крайней мере, хоть какие-то следы останутся.

– Кошмар какой-то.

Он погладил ее по щеке. В трудные моменты это всегда действовало на нее успокаивающе.

– Я вполне осознаю, какие жертвы нам предстоят. Я все знаю, Элен. Но скажи мне, вот прямо сейчас скажи, что ты не хочешь этого ребенка. Скажи, и мы откажемся от этой затеи.

Элен не нашла в себе сил ответить, тогда Бертран сунул конверт в кожаную сумку и вышел из машины.

Вдалеке виднелись взлетно-посадочные полосы. Раскалившийся за день бетон медленно остывал и теперь играл отблесками уходящих за горизонт белых и красных ограничительных огней.

Бертран прижал сумку к бедру и направился к мрачной гостинице. Автоматический ключ с номером комнаты ждал его в ячейке. Чтобы вступить во владение номером, то есть четырьмя безликими стенами с мебелью и занавесками мышинного цвета, следовало набрать код, выданный машиной. Настоящая нора для транзитных пассажиров. Бертран поставил электронный будильник на тумбочку под телевизором, прямо напротив кровати. Прогресс не останавливать: в совершенно невинный на вид предмет была встроена снимающая в высоком разрешении видеочкамера с широкоугольным объективом и вставлена рассчитанная на много часов записи карта памяти. Он включил устройство, нажав на кнопку «Будильник», затем набрал на своем мобильнике сообщение и отправил на адрес *natacha.nat@gmail.com*. Его корреспондентка отличалась болезненной осторожностью и не пожелала дать ему номер своего телефона.

Я на месте. Комната номер 22.

Бертран принялся расхаживать взад-вперед. Через пять минут он всерьез задумался о том, чтобы все бросить и свалить вместе с женой. Не подавать больше признаков жизни, не отвечать на мейлы, которые Наташа будет слать, не найдя никого в назначенном месте.

Спустя двадцать минут в дверь постучали. Наташа соответствовала своему описанию: темноволосая, среднего роста, маленькие, глубоко посаженные голубые глаза расположены слишком близко к вздернутому носику. «24 года», – указала она, на шестнадцать лет младше его. Девушка не из тех, на кого он оглянулся бы на улице, но и не противная с виду. На ней были хлопчатобумажные брюки свободного покроя и бежевый свитер с длинными рукавами.

Она протянула правую руку, прижимая другую к телу. Они поздоровались. В смущении Бертран не знал, что сказать, и она взяла инициативу на себя:

– Все будет хорошо, договорились? Я уже два раза это делала. И теперь люди, которые мне доверились, самые счастливые родители на свете. У вас результаты анализа с собой?

– Анализ... а, да.

Бертран передал ей документ, свидетельствующий, что заражения ВИЧ-инфекцией не обнаружено. Она села на кровать, лицом к камере, и углубилась в чтение. Он разглядывал ее. Длинные темные волосы, немного непропорциональное лицо – левая скула чуть ниже правой. Дырочки у основания ноздрей и на мочках ушей наверняка остались от пирсинга, который она, конечно же, сняла, чтобы выглядеть более презентабельно. Кто она такая? Откуда? Почему сдает напрокат свой живот? Только ли ради денег?

Элен права: оказаться здесь, с этой незнакомкой, которая станет ни больше ни меньше как биологической матерью их будущего ребенка, полное безумие. Но разве французские законы с их бесчисленными противоречиями оставляют им право выбора?

Взамен она протянула ему результаты анализа крови месячной давности. Свою фамилию и адрес, а также название лаборатории она замазала черным фломастером. Бертран отметил, что все показатели близки к указанным нормам, что подразумевает общее хорошее состояние здоровья. Но он ведь не врач и, в сущности, ничего в этом не понимает.

– А как я могу быть уверен, что это ваши результаты?

– Вопрос доверия. Ведь нас привело сюда именно доверие, верно?

Все началось двумя неделями раньше, на форуме медицинского сайта, зарегистрированного в Бельгии. В результате долгих поисков Бертран и Элен нашли там объявления, размещенные женщинами из Франции.

Я Наташа, молодая незамужняя женщина 24 лет, великодушная и с широкими взглядами. Хотела бы помочь супружеской паре обрести счастье стать родителями, предложив выносить их ребенка. Веду спокойный, размеренный образ жизни. Я предоставляю свою яйцеклетку, но хочу, чтобы вы знали: это будет ваш ребенок, а не мой. Я рожу во французском роддоме, таким образом вы сможете избежать всех административных проблем, а я в точности опишу порядок действий, который обеспечит получение вами ребенка.

Если мое предложение вас заинтересовало, напишите на мой электронный адрес: natacha.nat@gmail.com.

За этим последовал обмен письмами по электронной почте, который и привел к встрече: у Наташи начался период овуляции, что давало благоприятный промежуток для действий.

Пара решила довериться телу незнакомки просто потому, что они не смогли найти другой выход. В двадцать пять лет Элен перенесла операцию по удалению матки. После четырех лет бюрократической волокиты на заявление об усыновлении пришел отказ. Они обегали все учреждения, выясняя, что законодательства различных стран говорят относительно вынашивания третьим лицом, и все безрезультатно. Сколько супружеских пар пытались связаться с

иностранными агентствами – как, например, с теми, кто использовал в качестве суррогатных матерей украинок, – и в результате были задержаны на границе с запретом на ввоз ребенка на территорию? Сколько детей рождались у американских женщин, а потом им отказывали во французском гражданстве? Ни документов, ни школы, ни социальной защиты... В последние годы государство усилило контроль и больше не шло на уступки. Бертран знал это: мошенникам и контрабандистам пришлось столкнуться с последствиями.

Потом они услышали о возможности прибегнуть к услугам французской суррогатной матери: достаточно было порыться на франкоязычных форумах. Админы сайтов, зарегистрированных во Франции, – doctissimo.com, aufeminin.com – отслеживали и удаляли нелегальные объявления, но их коллеги в соседних странах были более снисходительны.

Установив прямую связь с суррогатной матерью, они перешли к обсуждению денежных вопросов. За все надо платить: и за живот, и за «предоставленную» яйцеклетку. Суррогатное материнство запрещено на территории Франции, но закон можно обойти, если у тебя есть необходимые деньги, чтобы оплатить матку, а главное, крепкие нервы. Вот уж чего Бертрану жестоко не хватало.

Наташа почувствовала это и попыталась его успокоить:

– Расслабьтесь, а то ничего не получится. Деньги в купюрах по пятьдесят у вас с собой?

Он кивнул, по-прежнему застыв на месте. У него еще оставались вопросы, но теперь, стоя перед ней, он чувствовал себя сбитым с толку и неспособным вспомнить, что следует делать дальше. Она порылась в сумочке, протянула ему пипетку в упаковке и пару латексных перчаток.

Через двадцать минут Бертран по-прежнему оставался в ванной. Она потеряла терпение:

– Ну что там?

– У меня не получается!

– Только не говорите, что вы никогда не драчили. Не будем же мы торчать здесь всю ночь...

Наконец он появился, с мокрым лбом и наполненной спермой пипеткой, зажатой в правой руке между большим и указательным пальцем. Наташа тоже натянула перчатки. Она сидела на краю постели, спустив трусики до щиколоток. Влажность в комнате, неловкость ситуации, исподтишка снимающая камера... На Бертрана нахлынуло смешанное чувство грусти и стыда, особенно когда женщина сунула пипетку между ног, погрузила ее во влагище и впрыснула содержимое. Он заметил рубцы на ее ляжках. Старые порезы? Разрывы?

Ну все, дело сделано... Заметив, как внимательно он разглядывает ее рубцы, она быстро натянула трусики и брюки.

– Аванс...

Бертран вручил ей содержимое кожаной сумки. Она взвесила пачку и не стала пересчитывать.

– Отлично. Я свяжусь с вами позже по мейлу. Если прилипло, я пошлю вам УЗИ с датой наступления беременности, но только одно. Если же нет, встретимся снова и начнем сначала.

– А почему только одно УЗИ? Мы же...

– Я вам уже объясняла: матери, собирающиеся отказаться от ребенка, получают медицинское обслуживание, только удостоверив свою личность. И не забудьте: никогда никому об этом не рассказывайте.

Она разломала пипетку на мелкие кусочки, бросила остатки в унитаз и спустила воду.

– Официально вы изменили жене и у нас был незащищенный секс. Это же не запрещено, верно?

– Верно.

Она в последний раз взглянула на него и пошла к двери. Бертран протянул руку, словно хотел удержать исчезающий призрак.

– В своих мейлах вы пишете то «Наташа», то «Натали». Это не ваше настоящее имя... Я даже не знаю, как вас зовут.

– Зовите меня и пишите мое имя, как вам вздумается. Так будет лучше.

И, не сказав больше ни слова, она испарилась.

Следующие недели были для их семьи окутаны черными тучами тревоги и страха. Сначала они решили, что их элементарно облапошили, потому что Наташа не давала о себе знать. В вечер оплодотворения она пришла в гостиницу пешком и ушла так же. У них не было ни малейшей возможности отыскать девушку. Ее объявление исчезло с форума уже вечером, сразу после их встречи. Мейлы, которые пытался отправить ей Бертран, возвращались обратно с пометкой об ошибке: «*Адресат неизвестен*». Единственное, чем они располагали, было видео, а значит, лицо Наташи. Ну и что с этим делать? Обращение в полицию исключено, они попались, и Наташа это знает. Ссоры стали многочисленными и бесконечными и едва не положили конец восьми годам их супружества. Конечно, они потеряли деньги, но куда тяжелее было то, что они потеряли надежду вырастить ребенка.

К концу третьего месяца пришло спасительное сообщение с электронного адреса, почти полностью идентичного первому: *natalia.nat@gmail.com*. Так они узнали, что их ждет ребенок, темная, едва различимая фасолинка на единственном снимке УЗИ. Это хрупкое существо, желанное вопреки всякому здравому смыслу, существовало.

И тут наступило время, когда супруги принялись непрестанно убеждать себя и друг друга в правильности своего выбора. Нет, это не торговля человеческим существом или какая-то иная форма эксплуатации, а совершенно законное желание, как у всякого другого, иметь и любить ребенка. Почему женщине, у которой из-за рака вырезали матку, отказано в праве быть матерью? Элен не представляла себе ни жизни, ни смерти без любви к дочери или сыну. То, в чем им отказали природа и Франция, они взяли сами.

Обретение ребенка требовало жертв. Покинуть Париж и круг друзей, чтобы избежать многочисленных вопросов, которые, без всякого сомнения, возникнут при появлении новорожденного. Выдержать трудные объяснения с родителями и описать ситуацию, поставив их перед свершившимся фактом. Бертран начал искать новое место коммерческого представителя где-нибудь в провинции и нашел такое километрах в ста к югу от Парижа. Они оставили свою квартиру в Двадцатом округе и сняли дом в Саране, недалеко от Орлеана. Элен не вернулась к своей работе помощника управляющего: будущий младенец обеспечит ей стопроцентную занятость.

Они взяли потребительский кредит в двадцать тысяч евро. По своим кредиткам они снимали каждую неделю по четыреста евро и прятали наличные в коробку из-под обуви, засунутую в укромный уголок на чердаке. У Элен начались приступы паранойи, она убеждала себя, что весь мир в курсе их тайны. Она твердила, что в один прекрасный день явится полиция, чтобы отобрать у них ребенка, а их самих бросить в тюрьму. Бертран успокаивал ее, в надежде, что присутствие младенца положит конец его мучениям.

По прошествии шести месяцев они начали обставлять детскую для будущего младенца. Дочки или сыночка? Этого они не знали. Они выбрали зеленые обои и купили коляску-трансформер, которую и поставили в центре комнаты. Элен не носила ребенка, но в глубине сердца переживала всю гамму чувств будущей мамы. Ей случалось спать, прижимая к животу подушку, словно она хотела уже сейчас защитить малыша и передать ему материнскую любовь. Ни одной ночи не проходило без мыслей о ребенке.

Последний мейл пришел в первый день весны 2017 года, истинный знак судьбы. Наташа родила на прошлой неделе, на две недели раньше срока, она заранее написала отказ от ребенка. Мальчишку, сына, предел их мечтаний. По ее словам, все прошло хорошо, без малейших

осложнений. *Как по маслу*, написала она. Ребенок получился вполне упитанный и среднего роста.

Наташа назначила Бертрану встречу в Люксембургском саду в Париже в половине восьмого вечера, на следующий день после получения послания.

Кроме нескольких бегунов, в холодном парке никого не было, и она ждала одна недалеко от теннисных кортов, зябко потирая руки в тонких кожаных перчатках. Беременность, а потом роды обвели ее глаза темными кругами. Коротко остриженные и теперь обесцвеченные волосы обрамляли округлившееся лицо с мертвенно-бледными щеками. В крыльях носа и на мочках ушей теперь сверкал пирсинг. Бертран едва узнал Наташу, но ему неудержимо захотелось сжать ее в объятиях – несмотря на стресс и бессонные ночи, причиной которых она была, ведь она приютила и сберегла в своем лоне сына. Их сына: Элен и его.

– Спасибо...

Она не смогла его оттолкнуть, потом протянула ему фотографию:

– Мне удалось тайком его снять.

Взглянув на нечеткую фотографию, Бертран почувствовал, как к глазам подступают слезы. Младенец с плотно закрытыми глазами лежал в кувете, раскинув в стороны крошечные ручки. Он был ангельски красив. Бертран подумал, что мальчик похож на него. Ему бы так хотелось прижать ребенка к себе, услышать, как он плачет, почувствовать его тепло. Он спросил, можно ли оставить фотографию себе, но она вырвала снимок у него из рук:

– Это будет моим единственным воспоминанием о нем. Я оставлю ее себе.

Она внимательно рассмотрела и направилась в сторону рощицы.

– Еще раз объясняю, что надо делать дальше. Вы должны неукоснительно следовать моим указаниям, если не хотите накликать на себя проблемы. Понятно?

– Понятно.

– Я назову вам три имени ребенка, координаты больницы и дату рождения в обмен на двадцать тысяч евро, которые вы мне должны. Они у вас?

– Они здесь. В купюрах по пятьдесят, как вы хотели.

– Отлично. С этой информацией вы сначала отправитесь в любую мэрию, чтобы составить заявление о признании отцовства. Чиновник в бюро регистрации актов гражданского состояния не сможет вам отказать, потому что вы делаете свое заявление без принуждения, по доброй воле. Ясно?

– Ясно.

– Но тот же чиновник может начать расследование, если почувствует неладное. Вы должны оставаться спокойным, вести себя естественно. Вы запомнили историю, которую я вам написала в мейлах? Легенду, которую вам придется повторять всем, кто будет задавать вопросы?

– Да... Я познакомился с вами в командировке, около восьми с половиной месяцев назад.

– В начале июля. Будьте точны.

– В начале июля, да. Мы немного перебрали с выпивкой, в гостинице у нас случился незащищенный секс. Я знал только ваше имя, Наташа, но оставил вам свой номер телефона. Я не получал от вас никаких известий, кроме одного, три месяца назад, когда вы сообщили, что беременны и я отец...

– Продолжайте.

– Вы не смогли сделать аборт, потому что заметили слишком поздно. Вы сообщили мне, что собираетесь подписать отказ, потому что не желаете иметь никакого отношения к этому ребенку. Но вы не хотели лишать меня возможности стать отцом и сочли своим долгом проинформировать меня о рождении ребенка.

Наташа кивнула и остановилась. Втянув голову в плечи, она внимательно следила за всем, что происходит вокруг. Бертран ощущал ее страх. Вызван ли он темнотой и скользкими среди деревьев тенями? Или она боялась идти одна с такой крупной суммой денег?

– Отлично, именно так и говорите. А теперь давайте покончим с этим.

Бертран передал ей сумку, набитую купюрами по пятьдесят евро. Она бросила в нее беглый взгляд, осторожно пощупала несколько банкнот, потом зачихнула сумку под куртку.

– Три имени, которые я ему дала, – это Лука, Антуан и Виктор. Он родился в роддоме больничного центра в Осере, 17 марта в 9 часов 10 минут. На данный момент его, возможно, уже передали в социальную службу защиты детей, и, по всей логике, в ожидании усыновления он должен находиться в яслях Эрмитажа, недалеко от больницы. А если не в них, то пойдите в больницу и спросите, но других яслей в Осере все равно нет. Отправляйтесь в ясли сразу же, как только получите свидетельство об отцовстве. У вас есть два месяца, считая от даты рождения, чтобы предъявить свои права. На счет «раз» они не отдадут вам ребенка, а проведут социальное расследование, это нормально. Сначала выяснят у вашей жены, какие соображения толкают ее на то, чтобы принять в семью ребенка, рожденного в результате супружеской измены. Спросят, насколько серьезно ваше собственное намерение оставить младенца себе. Найдите убедительные аргументы.

Бертран молча кивнул. Он сумеет выстоять и защититься. Он знает, как тяжело ребенку расти без отца. Своего он никогда не знал.

– Ничего не говорите ни о вашей просьбе об усыновлении, ни о неспособности жены зачать ребенка, иначе ситуация покажется подозрительной, и они начнут разносить, понятно?

– Понятно.

– Потом ребенок будет ваш. Получит новое свидетельство о рождении, где вы будете фигурировать как отец. У него будет ваша фамилия.

Она подняла воротник, засунула руки глубоко в карманы:

– Я дам вам один совет: старайтесь быть как можно незаметнее с этим ребенком. Спокойно живите своей жизнью, старайтесь растить его как можно лучше, а главное – не привлекайте к себе внимание. Никогда. Поменьше света. Вы понимаете? Свет может привлечь тени...

От ее последних слов Бертран похолодел. Воздух вдруг показался ему слишком свежим.

– Тени? Какие тени?

Еще раз оглядевшись вокруг, она заколебалась и добавила:

– Он особенный, этот ребенок. Ваша безвестность будет ему лучшей защитой.

И совершенно так же, как почти девять месяцев назад, она, даже не обернувшись, ушла, в день, последовавший за наступлением весны. Бертран смотрел ей вслед, и внезапно его потрясло ощущение глубокой уверенности: эта женщина умирает от страха.

Часть первая Ангел

1

Ноябрь 2017 г.

Беспокойное черно-пепельное небо нависало над Парижем уже дней десять, поливая его одним из тех бесконечных дождей, капли которых падают, как кинжалы. Как раз то, что требуется, чтобы вас прикончить, если вы умудрились сохранить немного тепла в глубине сердца. И все потому, что именно это время года обозначало переход от жизни к смерти, от света к тьме, и зашкаливало по количеству самоубийств, гастроэнтеритов и мучительных болей в коленях.

Франк Шарко ненавидел осень. Подняв воротник непромокаемой парки до самых ушей, в башмаках, тонущих в пропитанном водой перегное, он в одиночестве брел по лесу Бонди, в пятнадцати километрах к востоку от Парижа, в департаменте Сена-Сен-Дени. Он свернул в сторону от дорожек, проложенных для прогулок, и теперь пробирался через более густую растительность, болото бурых папоротников в непролазной грязи, двигаясь в направлении прудов. Его жена Люси и лейтенант Паскаль Робийяр возились здесь уже пару часов: вдали, между голыми стволами дубов и буков, среди других, Франк различал две их промокшие фигуры.

Около восьми утра один из любителей утренних прогулок поднял тревогу: его бельгийская овчарка вдруг кинулась в чашу, застыла и принялась безостановочно лаять. Увидев, что она нашла, мужчина немедленно набрал телефон жандармерии. Вызов сначала поступил в местный комиссариат Олнэ-су-Буа, затем, ввиду особой гнусности и географической зоны преступления, – в парижскую бригаду уголовного розыска. Поскольку Шарко был на совещании у руководства судебной полиции, Паскаль Робийяр, их процессуалист¹, по распоряжению прокурора Республики дал делу ход. На место прибыла служба криминалистического учета, чтобы обеспечить неприкосновенность зоны и установить оборудование для первых исследований научной полиции. День обещал быть долгим и мокрым.

Шарко поприветствовал весь честной народ, в том числе копов из Олнэ и любителя прогулок с его собакой. Серые и замкнутые лица под дождем. Люси дрожала в своей черной куртке с капюшоном, который не помешал светлым прядям ее насквозь промокших волос прилипнуть к щекам, порозовевшим от холода. Франк помахал ей рукой:

– Почему копы никогда не берут с собой зонтов? Нет ничего постыдного в том, чтобы раскрыть зонтик, когда идет дождь. Это что? Вопрос мужественности?

– Скорее, сострадания жертвам. Им холодно, ну и нам тоже. – Люси кивнула на яму в пяти метрах от них: – Не лучшее зрелище.

На месте преступления техники вбивали колышки, устанавливая навесы – белые палатки с заостренными крышами, чтобы надежнее защитить и зону, и тело. Под проливным дождем их задача, непростая даже в идеальных условиях, превращалась в преодоление полосы препятствий.

Шарко попросил у капитана из службы идентификации разрешения пройти за оградительную ленту, натянутую вокруг ямы, и приблизился к ней, пробравшись по размеченной вешками тропинке через папоротник орляк и ломонос. Прежде чем нырнуть в бездну, он закрыл глаза. Таков был его ритуал. Даже после двадцати девяти лет оперативной работы пер-

---

¹ *Процессуалист* – специалист по процессуальному праву, здесь: член группы, отвечающий за бюрократические процедуры. (Здесь и далее примечания переводчика, за исключением отдельно оговоренных случаев примечаний автора.)

вый взгляд на место преступления представлял собой напряженный момент в жизни копа. Он был обещанием новой охоты, мощной дозой героина, про который заранее известно, что со временем он тебя разрушит. Шарко любил такие моменты не меньше, чем ненавидел, а этим утром был уверен, что возненавидит. Потому что на него лились потоки воды, и он со своими людьми барахтался где-то в чаще леса, а подобные преступления, совершенные не пойми где, оказывались самыми неподатливыми для расследования.

Труп обнаженного мужчины лежал в грязной жиже на дне прямоугольной ямы площадью метр на два и около полутора метров глубиной. В тусклом свете ноябрьского утра можно было различить, что это тело, белое, точно едва распустившаяся лилия, покрывали рваные фиолетовые раны и глубокие разрезы, особенно на руках и груди, под дождем ставшие черными и блестящими. В животе на уровне печени зияла дыра, и наполовину вывалившийся из нее орган выглядел как дьявольский язык.

Человек был неузнаваем. Лицо словно расплавилось, не давая Шарко определить возраст. Пустые глазницы казались бездонными, как пропасть. Несмотря на свое состояние, всплывшее тело наверняка было довольно свежим – максимум двенадцать часов. Первые признаки разложения еще не проявились, и, хотя печень торчала наружу, обычно падкие на такое угощение черви пока отсутствовали.

Шарко оглядел набрякшие от воды стены ямы, подпертые шестью деревянными щитами, которые не давали им обрушиться. Работа минера, четкая и точная. Франк прищурился и переместился на метр влево. Заметил застрявший в дереве крошечный кусочек чего-то, в виде серпа. Ноготь? Во всяком случае, похоже. Он вернулся к рукам жертвы, слишком черным от грязи, чтобы различить детали.

Коп постарался не ступить за пределы ограничительных вешек и подошел к жене. Заметил широкую фанерную доску чуть подальше.

– А это что?

– Крышка могилы.

Шарко вытер дождевые струи, заливающие лицо. Он уже мечтал о доброй чашке горячего кофе. Пикник они здесь, в лесу, устраивать не будут, но проваландаются еще четыре-пять часов как минимум. Впрыскивания кофеина просто необходимы, для того и предназначались прислоненные к дереву термосы.

– Эй, иди глянь.

Люси подвела его к доске. Указала на кучу мертвых листьев и вырванной жимолости. Пахло влажным деревом, гнилью, вывороченной землей, словно лес хоронил сам себя.

– Вырванные растения и листья понадобились, чтобы скрыть доску, которую положили поверх углубления. К счастью, у собаки оказался хороший нюх, иначе тело гнило бы здесь много дней, пока его не нашли. Эта яма не вчера тут появилась, и сделана она не наспех. Ее следовало выкопать, укрепить щитами. Эти штуки тяжелые, их сложно переносить, за пару часов не справишься. Мы в глухом углу, вдали от тропок. Создатель ямы хотел быть уверен, что его тайник не найдут.

От их курток разлетались фонтаны ледяных брызг. Лес, где в погожие дни любили прогуливаться семьями, поздней осенью приобретал зловещий вид со своими голыми деревьями и образовавшейся межзвездной пустотой. Шарко до упора застегнул молнию на куртке жены:

– Ты продрогла. Возвращайся в контору.

Ему не удалось произнести «Бастион», обозначение, которое приклеилось к их новому зданию, расположенному на одноименной улице.

– Бывало и похуже.

Майор полиции засунул руки поглубже в карманы. Издалека его массивный силуэт выглядел как еще один дуб.

– Там какая-то штука, которая очень уж похожа на ноготь, застрявший в дереве щита, видела?

– Я в основном сосредоточилась на теле.

– Если и правда ноготь, значит наш мужик был еще жив. Убийца заставил его раздеться догола и сбросил туда. Яма не такая глубокая, тогда почему же он не вылез?

– Может, он был смертельно ранен, в агонии и не способен подняться. Ты видел, в каком состоянии его живот?

– И перед смертью он, как мог, старался уцепиться, но впустую... Потом убийца преспокойно вспорол ему брюхо и раскрыл физиономию, чтобы не дать нам слишком быстро его опознать.

– Рано делать выводы. Во всяком случае, мы имеем дело с редкой мразью и полным отморозком.

Шарко огляделся вокруг, потом посмотрел на коллег, пытающихся установить палатку над ямой. Паскаль Робийяр помогал им.

– Пошли подсобим.

Двадцать минут спустя три палатки выстроились в ряд и обеспечили сухой коридор длиной около девяти метров. Техники забегали еще шустрее к своему фургону, перетаскивая оборудование. Ноги увязали в грязи, подошвы ботинок, которые приходилось извлекать с отвратительным чавкающим звуком, пропитывались влагой.

Теперь световые шары Sigosso подсвечивали место преступления снизу и, расположенные таким образом, охватывали даже зоны тени. Один из техников, в сапогах и перчатках, спускал их в яму при помощи небольшой стремянки. Он подтвердил наличие ногтя, вырванного с левой руки жертвы.

Паскаль Робийяр следил за изъятием проб и с максимальной точностью записывал все на диктофон: обстоятельства изъятия, описание места, жертвы, метеоусловий... После того как лейтенант Жак Леваллуа перевелся в АТО – антитеррористический отдел, – Робийяр унаследовал его роль процессуалиста в группе Шарко. В итоге в команде образовалось одно вакантное место, и все с нетерпением ожидали нового старшего капрала, который должен был прибыть завтра.

Укрывшись от дождя, Люси грела руки, обхватив стаканчик с обжигающим кофе. От влажности у нее разболелись колени. У ног образовалась лужа.

– Забавный денек для празднования второй годовщины свадьбы.

– Бывает. Убийцы являются на банкет без приглашения. Сходим в ресторан в другой раз.

Шарко не стал задерживаться на этой теме и продолжил звонить, в том числе заместителю прокурора, чтобы отправить запрос на подъем тела и аутопсию в самые сжатые сроки. Люси знала, до какой степени воспоминание об их свадьбе, о которой он говорил как об одном из прекраснейших моментов в его жизни, было для него болезненным: во время терактов 13 ноября 2015 года² они находились в Венеции. Шарко не смог быть рядом со своими товарищами, с парнями с набережной Орфевр, 36, которые вошли в концертный зал «Батаклан» через три часа после трагедии. И которые смогли потом во всех подробностях описать лик ужаса. Работая копом, ты отравляешь себе существование именно ради таких моментов, а когда ты их пропускаешь, образуется пустота, которая втягивает тебя, создавая ощущение, что ты спрятался в кусты, когда был больше всего нужен.

Под полотнищем палатки трещали вспышки фотоаппаратов. Работала подключенная к передвижному генератору помпа, выкачивая жидкость – воду, кровь, грязь, – в которой пла-

---

² Вечером 13 ноября 2015 г. в Париже в течение 40 минут произошла серия из трех терактов: подрыв террориста-смертника рядом со стадионом «Стад-де-Франс», где проходил футбольный матч в присутствии президента Франсуа Олланда; расстрел террористами посетителей двух кафе; захват заложников в концертном зале «Батаклан», который силы безопасности брали штурмом. В общей сложности жертвами терактов стали 130 человек, более 350 были ранены.

вало тело. Следовало снять отпечатки пальцев во влажной среде, взять образцы ДНК, а еще попытаться найти насекомых *in situ*³, для уточнения датировки. По-настоящему кропотливая работа, но ни одной мелочью нельзя пренебречь, поскольку, как хорошо было известно Шарко, дьявол всегда кроется в деталях.

Чуть подальше Робийяр и двое техников склонились над папоротниками у края ямы. Укрывшись под сводом палатки, один из них задействовал электросушилку, возможно, чтобы выделить отпечатки ног, прежде чем делать гипсовые слепки. Люси смяла стаканчик и пристально посмотрела на своего спутника:

– Николя вряд ли понравится, что ты его не предупредил. Он опять решит, что его держат на скамье запасных.

– Его плановое занятие с врачом начинается сразу после обеда, а я хочу, чтобы он прошел все, от А до Я. Это важно и для него самого, и для его будущего пребывания в бригаде.

– Пошли ему хотя бы сообщение, скажи, чтобы ехал из госпиталя напрямиком в Бастион, пусть чувствует себя в деле. Если можно избежать трений...

– Сделаю.

Сказав это, Шарко так и остался стоять, уставившись в пустоту. Его мысли часто где-то витали после переезда Управления с набережной Орфевр в район Батиньоль. Люси спрашивала себя, не стал ли он подвержен приступам меланхолии из-за необходимости обживать новое место и из-за новой ответственности, связанной с его теперешним положением в убийном отделе.

Другими словами, дуб пересадили на новое место, и вполне вероятно, что дуб чахнет.

---

³ На месте (*лат.*).

2

Вновь и вновь переживать крошечный ад этого зрелища, *ad vitam aeternam*⁴. Переходя лицу. В булочной. Ночью. Во сне. Зрелище, которое предстает с еще большей дьявольской точностью, стоит сомкнуть веки, чтобы избавиться от него.

У ада было название: посттравматическое стрессовое расстройство, ПТСР. В него можно вляпаться с размаху даже через четыре года после трагедии, даже если речь идет о закаленном копе, привычном к самым отвратительным преступлениям.

– Маленькое отступление: я видел в вашей медицинской карте, что два года назад вы прошли курс лечения доксициклином от разновидности прионовой болезни, о которой я никогда прежде не слышал. Некая... «короба»...⁵ Какие-либо ее осложнения дают о себе знать?

Николя Белланже сидел напротив доктора Тьерри Эбера в психиатрическом отделении для взрослых клиники «Питье-Сальпетриер» в Тринадцатом округе. Он сжимал обеими руками колени. Дело о короба было, безусловно, одним из самых мрачных и тяжелых в его карьере.

– Никаких. Болезнь захватили вовремя, она не успела развиваться.

– Отлично. Ладно, вернемся к нашей программе. Я вам еще раз объясню, как действует воспоминание.

Николя принимал участие в исследовании, называемом «Франция Живая Память», предназначенном прежде всего для помощи страдающим ПТСР жертвам терактов в Париже и Ницце, а также для всех добровольцев. Разумеется, случай его травматизма совершенно особый, он восходит еще к 2013 году и никак не связан с атаками исламистов, но то восхождение на голгофу страдания, которое непрестанно прокручивалось у него в голове, как и безуспешные попытки как-то этому противостоять – гипноз, транквилизаторы, кокаин, – вполне оправдывало включение его в программу.

– Воспоминание не является чем-то застывшим в нашем мозгу. Всякий раз, когда сознание его воспроизводит, оно меняется. Например, некая ситуация вызывает у вас воспоминание из детства, когда вы бегали мальчиком по пляжу. В этом воспоминании вы одеты в зеленые плавки, хотя на самом деле плавки были синими. Мозг не выносит пустоты и постоянно ее заполняет, чтобы воспоминание могло считываться логическим образом. И новая версия, та, где вы в зеленых плавках, будет заново записана в долгосрочной памяти до следующего раза. В противоположность расхожему мнению, чем чаще мы возвращаемся к воспоминанию, тем сильнее оно меняется, все больше удаляясь от истины.

Николя не отрывал взгляда от лежащего перед ним письма, составленного в соседнем помещении и описывающего ту неоперабельную болезнь, которой он страдал, – худшее воспоминание в жизни. Каждая фраза, перенесенная на бумагу, была кровоточащей раной. Его персональный бука ждал его там, на белом листке бумаги.

– Воспоминание состоит из сенсорной части – звуки, образы, запахи – и из эмоциональной. Именно вторая часть порождает стрессы и кошмары. Препарат, который вы приняли около часа назад, дюмеронол, помешает эмоциональной нагрузке усилиться при воспроизведении и провести таким образом перезапись травмирующего воспоминания. Дюмеронол, вообще-то, является бета-блокатором, предназначенным для гипертоников и страдающих сильными мигренями. Возможно, у вас проявятся довольно серьезные побочные эффекты: бессонница, учащенное сердцебиение, дрожь, а также эпизодические и довольно короткие тревожные состоя-

---

⁴ До конца своих дней (*лат.*).

⁵ См. роман «Шарко». (*Примеч. автора.*)

ния. Также желательно, чтобы вы избегали мест, связанных с травмой: в вашем случае темных пространств, подвалов и подземелий... Все понятно?

– Не совсем. Я не хочу все забыть. Вам это может показаться парадоксальным, но я хочу помнить, что произошло, я хочу сохранить это в себе. Я не хочу забывать обстоятельства смерти Камиль.

– А вы и не забудете. Как я уже сказал, вы сохраните образы, звуки, запахи, но по мере наших еженедельных сеансов вы отдалитесь от тех эмоций, которые с ними связаны. Как если бы вы нажимали на больной зуб, из которого удален нерв. Камиль больше не будет то и дело вторгаться в вашу жизнь. Угнетающее вас ощущение, что она, точно призрак, постоянно присутствует, мало-помалу исчезнет. Как только будете готовы, прочтите мне ваше письмо.

Такова цена выздоровления: согласиться, чтобы его памятью манипулировали, чтобы с его воспоминаниями играли. Открыть сундук с самыми интимными чувствами и вручить их постороннему. Николя считал такое вмешательство в его разум ужасающим, но разве у него есть выбор?

Он взял листок. Писать следовало в настоящем времени и от первого лица. Снова пережить и со всей силой, тщательно подобранными словами воссоздать весь кошмар последних дней ноября 2013 года.

– Этой ночью я иду первым. Спускаюсь по ступеням, которые ведут под землю, в темноту, потом пробираюсь по карьерам. Там есть статуи, вырубленные из камня, надписи, возможно оставленные немецкими солдатами во время Второй мировой. Все это мрачно до жути, но я все дальше ухожу в темноту, все глубже, с единственным фонариком в руке. Потом коридоры становятся уже, путь преграждают осыпи, мне приходится ползти на коленях, пока я не оказываюсь в большом черном зале, где замечаю вдали слабый свет свечей. Я слышу звук сыплющихся камней позади. Это Франк Шарко, мой коллега, который присоединяется ко мне. У него замкнутое, мрачное лицо, и сейчас, когда я пишу это письмо, я отчетливо вижу каждую его черточку, будто он здесь, прямо напротив. Вот это мне труднее всего переносить из всего, что происходит у меня в голове: реализм. Шарко приказывает мне оставаться на месте и обходит меня. Я иду за ним, он не хочет, чтобы я заходил в зал, но я отодвигаю его с дороги... Я...

Николя поднимает затуманенные слезами глаза на психиатра. Голос его уже не раз срывался.

– Простите, вообще-то, я не из слезливых.

– Это нормально, что вы расстроены, иначе вас бы здесь не было. Однако крайне важно, чтобы вы прочли свое письмо до конца.

Коп глубоко вздыхает. Тьерри Эбер говорил успокаивающим тоном, а Николя прежде и представить себе не мог, что окажется лицом к лицу с психиатром, но обратной дороги нет. Он больше не желает возвращаться в ад алкоголя и наркотиков. Блевать ночами, рвать на себе волосы, дрожать, скорчившись на полу. Эта программа его последний шанс.

– ...Я различаю большую белую простыню, подвешенную и подсвеченную с другой стороны. Похоже на крыло гигантской птицы. Вижу на ней тень распятого тела с распростертыми руками, парящего в метре от земли. Я знаю, что это она, знаю, что это Камиль, и мир рушится. Я захожу за простыню. Камиль смотрит на меня широко открытыми глазами. Ее грудь распорота, ей причинили боль. Эта картина возвращается без конца. Взгляд, который она мне посылает, черная рана, похожая на втягивающую меня бездну, втягивающую до сегодняшнего дня.

Николя бросает письмо на стол, бумага обжигает ему руки. Четыре года, а у него по-прежнему ничего не получается. Как одно лишь упоминание о пережитом может разрушать вас, вызывать пот и дрожь? Это письмо ему придется перечитывать на каждом сеансе в течение восьми недель, после приема дюмернола. Долгий крестный путь.

Психиатр делает какие-то записи, просит приносить письмо на все последующие встречи.

– Держите его под рукой, в ящике стола например. Хорошо, если вы будете о нем думать, осознавать его присутствие рядом, но не перечитывайте его вне этих стен, так будет лучше. Увидимся через неделю.

Беседа закончена. По его словам, потребуется два или три сеанса, чтобы появились первые благотворные результаты этой терапии.

Николя вышел с тяжелой головой, как же она болит... Его взгляд упал на лицо молодой женщины лет тридцати, сидящей в приемной. Сумочка на коленях, спина прямая, но глаза ее расширяются, когда она его видит. Николя хотел было остановиться, но доктор Эбер уже за спиной. Женщина встает и, проходя мимо него, успеваешь бросить:

– Пожалуйста, не говорите никому. Это очень личное, и никто не в курсе.

Она торопливым шагом заходит в комнату, из которой он только что вышел. Николя не может опомниться. Взволнованный и задумчивый, он раскрывает зонтик и пешком спускается по бульвару Опиталь. Идет быстро, чтобы снять напряжение, забыть про сеанс и свой панцирь, который специалист взломал в два счета.

Взгляд на часы: ровно четыре. Шарко просил заехать на работу, не уточнив, в чем дело. Он сядет в метро на Аустерлицком вокзале. С этими бесконечными дождями Париж стал таким же серым, как небо над ним.

Он направился на север до ворот Клиши, в сторону Батиньоля. В этом квартале, в пяти минутах хода от метро, расположилась новая вотчина парижской судебной полиции. Тысячи копов, которые с восходом солнца выплескивались на разбитые на квадраты улочки с их многоэтническим простым населением. Прощай, легендарная набережная Орфевр, 36, с ее тесными и такими неудобными кабинетами. Николя никому не признавался, но ему больше нравились эти новые здания. Лифты позволяли не корячиться каждое утро и каждый вечер по ста восьмидесяти восьми ступенькам. А пространство, как и организация служб, было куда функциональнее.

Но не так-то легко выкорчевать копов с набережной Орфевр, особенно самых старых, того же разлива, что Шарко. Поэтому, чтобы сохранить легенду, Бастион, сверхсовременный и суперохраняемый, с его мнимым видом больничного центра, тоже числился под номером 36.

36, улица Бастиона.

И все же Николя скучал по виду на Новый мост и Сену, по Ле-Аль⁶ неподалеку и по всему лучшему, что мог предложить Париж в плане баров, ресторанов и прочих заведений. Вместо этого – подъемные краны, строящиеся здания, меняющийся район и будущий Дворец правосудия, второе самое высокое здание Парижа после башни Монпарнас, колосс из стекла и стали, который будет связан с Бастионом подземными переходами.

Вход для копов находился в правой части здания – через специально оборудованный системой безопасности турникет, который проворачивался только после прикладывания карточки-триколора с чипом. Николя за сотню метров заметил человека, который нервно расхаживал под дождем, уткнувшись носом в наручные часы. Дважды этот тип, промокший насквозь мужчина лет пятидесяти, направлялся к центральному входу, но оба раза передумывал, разворачивался и возвращался на исходную точку, на тротуар напротив, рядом с большой безлюдной стройкой. Николя подошел к нему:

---

⁶ *Ле-Аль* (фр. les Halles) – бывший рынок «Чрево Парижа», теперь административный и коммерческий центр.

– Вы что-то ищете?

Сперва мужчина, не отвечая, проследовал дальше, потом остановился и вернулся:

– Вы полицейский?

– Капитан уголовной полиции.

Снова взгляд на часы.

– Одну минуту. Всего одну минуточку. Он сказал в 17:02, не раньше.

– Вы стоите перед зданием национальной полиции. Или объясните причину вашего присутствия здесь, или уходите.

Мужчина озирался по сторонам. Кого-то ждет? Он проявлял подозрительную нервозность. Когда он внезапно расстегнул молнию на куртке и сунул руку за пазуху, коп схватил его за запястье и притиснул к решетке.

– Ой! Потише! Это просто...

Человек извлек бежевый запечатанный конверт.

– ...письмо. Письмо, которое надо передать в полицию.

– Зачем? Что в нем?

– Я ничего не знаю. Возьмите его и отпустите меня. Прошу вас. Это вопрос жизни и смерти.

Он вроде бы не шутил, его тело было напряжено, а челюсти сжаты так, что казались винченными друг в друга. Руки дрожали.

– Помогите мне... Помогите мне, прошу. Я уверен, он здесь... Он следит за мной...

В его вылезших из орбит глазах мерцало безумие. Он прошептал эти слова, будто боялся, что его услышат. Николая не прикоснулся к конверту. Он попросил мужчину развести руки и наскоро досмотрел:

– Пройдемте. Разберемся внутри.

– Нет... Пожалуйста... Возьмите письмо и отпустите меня...

Николай крепко держал его за плечо. Превратившись в настоящий комок нервов, мужчина выгибался дугой и дергался так, что Николая пришлось усилить хватку. Тот закричал.

Внезапно плечо выскользнуло из рук Николая. Мужчина рухнул на мокрый асфальт и скорчился с искаженным лицом, широко распахнув рот в попытке вдохнуть. На шее и лбу набухли вены, из горла больше не вырывалось ни звука. Глаза налились кровью, и Николая показалось, что они сейчас выскочат из орбит. Конверт упал в лужу. Полицейский закричал, подзывая службу безопасности. Подбежали два копа, а также персонал, который наблюдал за сценой изнутри здания.

– Вызовите «скорую», быстрее!

Полицейский встал на колени и постарался перевернуть мужчину на спину, но безуспешно: тот был сгустком страдания, его скрюченные пальцы пытались вцепиться в склонившиеся над ним лица. Кровь разливалась по его глазным яблокам.

– Черт! Кто-нибудь знает, что надо делать? – закричал Николая.

В панике мужчину попытались повернуть на бок, чтобы он смог вдохнуть. Его горло выдавило странное бульканье, и он перестал дышать. Тело обмякло.

Несколько минут спустя, несмотря на разряды дефибриллятора и попытки реанимации, человек был мертв.

3

Шарко положил джинсы и куртку сушиться на радиатор, надел темно-серый костюм, галстук и черные туфли, рукой взъерошил седой ежик, без сил рухнул в кресло и уставился на несметное количество фотографий, прикрепленных к стене прямо у него перед носом.

Став начальником группы, Франк получил право на собственный кабинет на седьмом этаже Бастиона, отведенном под уголовное право и антитеррористический отдел. Раньше, на набережной Орфевр, все ходили вверх-вниз по лестницам, перемещаясь с места на место и перемешиваясь в непринужденном бардаке. Отныне – строгость, организованность, эффективность, каждый на своем этаже, в своем подразделении, причем доступ в некоторые осуществлялся только по отпечатку пальца.

Нет худа без добра, конечно, но Шарко не знал ничего, кроме изначального управления полиции на Орфевр, 36. То здание, считавшееся устаревшим и непригодным, было всей его жизнью, оно задавало ритм радостям, горестям и взрывам гнева. Его ремесло менялось, подчиняясь прогрессу, и именно это стремительное течение, устремленное в будущее, больше всего ужасало копа, привыкшего к традиционным методам. Все эти компьютеры, технологии, дела, все чаще раскрываемые благодаря электронным устройствам и файлам... Он слабо в этом разбирался. И впадал в тоску. Глядя на молодежь вокруг, на мальчишек едва ли не вдвое его младше, он и себя чувствовал устаревшим, похожим на старый Минитель⁷, задвинутый в глубину шкафа. И в то же время он сочувствовал этой юной поросли, которой не доведется испробовать вкус настоящей охоты, как ему в молодые годы. Модернизированные копы. Копы 2.0⁸.

Франк погрузился в туман ностальгии. Ошметки его бывшей жизни, которые ему удалось собрать, громоздились на письменном столе: табличка с названием улицы, с точностью до мельчайших деталей повторяющая настоящую с адресом «Набережная Орфевр, 36», кружка с Орфевр, 36, медали из 36, фото группы во дворе 36 и даже кусочек противосуицидной сетки, перекрывавшей лестничный проем, которую поделили перед переездом. В тот день Франк подождал, пока останется один, чтобы пустить слезу, выцарапывая «Здесь был ФШ» на старом полу под своим бывшим креслом. Закончилась эпоха, и это здорово подорвало его боевой дух.

Николя постучал и вошел. Он выглядел так же, как комиссар несколькими часами раньше: вымокший с головы до пят. Франк Шарко вскочил и постарался напустить на себя вид повеселее. Бросил коллеге махровое полотенце, извлеченное из шкафа.

– Ну как? Что твоя программа?

– Классная развлекуха. Глотаешь пилюлю, читаешь травмирующее письмо, которое сам же и написал, отвечаешь на несколько вопросов – и прости-прощай до следующей недели, а там все по новой.

– Как, и все?

Белланже предпочитал не слишком распространяться, особенно о том, что касалось побочных эффектов. Пара седых волос появилась в его темной шевелюре, лоб глубоко прорезала «львиная морщина», но это было скорее результатом излишеств, чем возраста: ему еще не было и сорока. И, несмотря ни на что, выглядел он как тридцатилетний. Кожаная куртка на плечах, красивая морда, весь мускулистый – просто идеальный герой мюзикла.

---

⁷ *Минитель* (фр. Minitel) – аппарат информационной системы, созданный в конце 1970-х гг. Пик использования сети пришелся на 1990-е гг. В середине 2000-х в связи с широким распространением Интернета было объявлено о прекращении работы Минителя.

⁸ *Человек 2.0* – термин, обозначающий человека, улучшенного с помощью технологий, или «постчеловека».

– А что ты думал? Что они вскроют мне череп, чтобы извлечь пинцетом дурные воспоминания?

– Ну, что-то вроде того. Значит, можешь продолжать работу?

– Без проблем.

Шарко внимательно вглядывался в него несколько секунд, потом забрал полотенце.

– Я только что видел под окном «скорую» и все такое. Похоже, какой-то тип умер прямо перед Управлением?

– Он перекинулся прямо у меня на руках, можно сказать. Лет пятидесяти, при себе ни бумаг, ни телефона. Нервный, испуганный, из тех, которые, кажется, вот-вот взорвутся у тебя под носом. Он хотел во что бы то ни стало передать в полицию письмо. Оно намекло, но прочесть можно. Я поместил его в сушильную⁹, а до того сфотографировал. Хорошо бы ты глянул. Сейчас перешлю файл.

Николя поколдовал над своим мобильником, и послание появилось на одном из двух расположенных перед Шарко экранов.

– От чего умер?

– Похоже на сердечный приступ, но ты бы видел его глаза... кроваво-красные. Не думаю, что инфаркт может вызвать нечто подобное. Короче, спасти его не удалось. В пять минут его не стало. Пока что «скорая» увезла его в больницу Биша; я попросил не прикасаться к тому и держать на холоде. Надо отправить запрос, чтобы его перевезли на набережную Рапе¹⁰ для вскрытия по всей форме.

– Вскрытие по всей форме? Зачем?

– Открой мейл. И глянь на рисунок слева вверху.

Франк послушался. Посмотрел на символ, нарисованный коричневым фломастером. Он слегка растекся от воды, но Шарко узнал наспех нарисованную голову шимпанзе со злобным выражением, глазами с белой радужкой и непокорным вихром на голове.

– Это мне что-то напоминает.

– Короткая же у тебя память. Этот значок около двух лет назад обнаружили на веб-странице сайта Елисейского дворца. Хакеру удалось взломать пароль админа и опубликовать генетический профиль президента. К профилю прилагалась угроза, если ты помнишь. *«Если Франция выберет путь развития искусственного интеллекта и индустриализации человеческой мысли, то готовьтесь к худшему. Ангел будущего»*.

Теперь Шарко вспомнил. История обошла всю прессу и поставила на уши службы безопасности. Взломанная страница гласила, среди прочего, что президент происходит из народа викингов и с вероятностью в 73 процента рискует заполучить болезнь Альцгеймера. Страница была убрана с сайта Елисейского дворца в течение четверти часа после ее появления, а сама информация тут же объявлена *дурной шуткой*. Но социальные сети успели ее заполучить. Вдобавок к профилю и угрозе на странице журналистам предлагалось убедиться, что образец отпечатка пальца, содержащийся на двусторонней пленке, отправлен в лабораторию «WorldDna», находящуюся на Гибралтаре. Это учреждение было ведущим на рынке расшифровки генома и анализа ДНК. За какую-то сотню евро оно смогло извлечь ДНК из нескольких клеток, оставшихся на отпечатке пальца президента, и определить его генетический профиль.

– Ты должен прочесть письмо...

Шарко вернулся к экрану. Письмо было написано от руки, черными чернилами. Почерк хоть и нервный, но разборчивый.

---

⁹ Специальная комната, расположенная на том же этаже, которая позволяет высушить предметы или одежду, связанные с уголовным делом. (Примеч. автора.)

¹⁰ На набережной Рапе расположен Институт судебной медэкспертизы.

Я мог бы рассказать вам, что происходит в Осло, но вполне вероятно, что на данной, слишком ранней стадии вам на это плевать. Точно так же, как если я вам скажу, что на Кубе скоро начнется эпидемия холеры, что Аустерлицкий вокзал скоро поплывет или что в Судане через несколько дней вспыхнут военные столкновения, вы, безусловно, примете меня за сумасшедшего. А если я вам скажу, что в 17:02 сегодня, в среду, 7 ноября 2017 г., человек, у которого будет это письмо, умрет прямо перед вами? А... Вот это уже интересно. Кажется, теперь я привлек ваше внимание, шимпанзе...

Шарко бросил взгляд на часы, потом перевел глаза на Белланже:

– Тот человек умер во сколько?

– Ровно в 17:02.

Коп на мгновение задумался. Почему 17:02? Почему не круглая цифра, например – просто семнадцать?

– Я не ошибаюсь, он назвал нас шимпанзе?

– Тебя это тоже раздражает?

Шарко вернулся к письму.

Поначалу как предвестники они забавляли. Затем как завоеватели – удивляли. Сегодня, превратившись в монстров, они ужасают. А завтра? Никогда еще до настоящего времени кучка людей и компаний – Google, Apple, Facebook, Amazon... то есть GAFА – не формировала до такой степени мышление миллиарда шимпанзе и не направляла их выбор. Вас захватили роботы и алгоритмы. Мобильник стал продолжением вашего мозга, который вы бесконтрольно предоставляете базам данных. Я жалею вас даже больше, чем ненавижу, бедные шимпанзе, отныне ваша жизнь принадлежит Google и Facebook! Ваше существование основано на лайках, а без них вам кажется, что вы никто.

Но вы не правы, кое-что вы собой представляете: вы сырье. Материал для страховых компаний, банков, рекламщиков, продавцов машин и политических партий. Вы думаете, что пользуетесь кучей бесплатных услуг, но эта дармовщина имеет цену: ваша личность. Ваша свобода.

Параллельно ученые, направляемые этими не слишком цепетильными силами, убивают смерть и манипулируют вашими генами, чтобы сделать вас более совершенными, улучшить, заставить стареть не так быстро. Родилась новая евгеника – евгеника, которая не уничтожает, а улучшает. Для меня это одно и то же, потому что те, кто не был улучшен, у кого не хватило средств, становятся слабым звеном, париями, которых рано или поздно общество так или иначе уничтожит само. От чипа до гигантского монстра Гидры расстояние всего в один шаг. Господи, да ведь вы завтрашние лабораторные животные, и никто ничего не говорит! Все попустительствуют. И подбадривают.

Несмотря на мое предупреждение, президент подписал подтверждение курса на развитие искусственного интеллекта. Он позволяет непрозрачным инвестиционным фондам финансировать предприятия как у нас, так и по всей Европе. Чем они занимаются в своих лабораториях? За своими компьютерами? Вы хоть это знаете? А я знаю.

Мы живем, а не функционируем. Нас родили, а не произвели. В какой мир мы попали, если жизнь творится в пробирках? Если женщины сдают внаем свои животы в обмен на пачку банкнот? Если люди используют роботов, чтобы было проще открыть дверь собственного дома?

Шимпанзе, вручающие свою жизнь машинам, которые их кормят, нарушая законы природы, должны заплатить. Вскоре миллионы глаз, устремленные на экраны, обнаружат мой манифест и все ужасы, порожденные этим миром. И когда вы поймете, до какой степени

уже слишком поздно (я покажу вам, на что способны эти монстры, прячущиеся во Франции, со своими сбирами вроде Карателя), вы заплестируете моим поступкам.

Встречаемся здесь: <http://www.manifeste-angedufutur.com>. Игра начинается.

*Если вы перекроете доступ к этому сайту, я убью их и загрузу видео в Интернет. И маленький совет: отнесите к этому сообщению **ОЧЕНЬ** серьезно.*

Шарко переварил прочитанное и оперся подбородком на сложенные ладони:

– Что ты об этом думаешь?

– Скверно пахнет.

Майор перешел ко второму экрану и набрал на клавиатуре указанный веб-адрес. Высветилась черная страница. Наверху большими белыми буквами было написано: «Там, где прячется маска, находится обезьяна». И внизу справа: «Одновременное подключение: 3». Больше ничего.

Шарко молча поглубже устроился в кресле. Три параллельные глубокие складки пролегли на его лбу. Вдруг счетчик показал 4. Николя кивнул на экран своего мобильного:

– Это я только что подсоединился. Счетчик отражает количество посетителей. Это означает, что, помимо нас, еще двое зашли на эту страницу с разных точек. Ангел будущего, возможно, и... кто-то другой.

– Что это такое, *manifeste-angedufutur.com*?

– Понятия не имею. Но необходимо начать официальное расследование. Выяснить личность типа, который передал письмо, а также причину его смерти. Если верить его словам, он всего лишь курьер. «Шимпанзе». Он был очень напряжен и очень нервничал. Попросил меня о помощи, очень тихо, словно за ним следили. Нечто довольно сильное вынудило его прийти сюда. И потом, есть еще этот логотип и предупреждение: «Я убью их».

Под удивленным взглядом коллеги Шарко стер мейл:

– Ладно... Вот что ты сейчас сделаешь. Тебя здесь не было, ты не присылал мне никакого мейла и ни о чем не рассказывал. Ты немедленно отправишься к боссу и устроишь так, чтобы он передал это дело другой группе.

– Другой группе? Ты спятил?

Франк открыл заклеенный конверт, достал оттуда пачку только что напечатанных фотографий и протянул ему:

– Его обнаружили этим утром в лесу Бонди. Поэтому я и хотел, чтобы ты подъехал сюда. Мы будем заняты по горло.

Капитан полиции внимательно рассмотрел снимки. Тот, где труп был крупным планом, привлек его внимание. Черные раны. Неузнаваемое лицо, разодранное до костей... Торчащая печень... Шарко встал и подошел к окну. Шеренги домов, строительные леса, подъемные краны и бульдозеры. Он уперся пальцами в стекло:

– Вскрытие завтра утром, и наш новый сотрудник, старший капрал, пойдет с кем-то из вас. Лучшее, что можно придумать для разминки. Как ты думаешь?

– Как я думаю? Я думаю, что ты увливаешь. У нас часто бывало по несколько дел в работе, в чем проблема? Тот тип попросил меня о помощи, он испустил дух буквально у меня на руках. И еще это письмо и сайт... Наклеивается интересное дело. Я хочу над ним работать.

Шарко вернулся к столу и снял телефонную трубку, чтобы положить конец разговору.

– Мало ли чего ты хочешь. Ступай к Жеко. У меня и так на неделе одно совещание за другим. А еще у меня жена, двойняшки и, вообще-то, жизнь тоже. Два крутых дела зараз – это перебор. От твоей истории несет серой, а я не хочу гробить свои выходные. И потом, все эти компьютерные штучки, искусственный интеллект и прочее уже не для меня. Жизнь бесценна, а время летит слишком быстро.

Николя швырнул фотографию на папку:

– Ты руководишь группой уголовного розыска, это тебе не Диснейленд. Если тебя воруют от твоего кабинета, воняющего новоделом, и от совещаний, которые к нему прилагаются, зачем ты согласился на эту должность?

– Потому что возраст подошел. У меня уже не те ноги и не та дышалка, что раньше. А моя должность как раз то, что надо для начала завершения карьеры.

– То, что надо? Шутишь? Ты подыхаешь от желания вернуться к оперативной работе. Для тебя собственный кабинет хуже тюрьмы – это у тебя на лбу написано. Как только появляется возможность выбраться наружу и пошлепать башмаками по дерьму, ты тут как тут. Разве не правда?

– Не вранье. Но...

– Я не пойду к Жеко. Ступай сам и сам с ним разбирайся.

Николя направился к двери. Перед тем как выйти, он обернулся:

– И твоя идея про вскрытие – полное дерьмо. Не так встречают новичка, не подсовывают ему трупешник в первые же часы работы. Хреново ты стареешь, приятель.

И Николя захлопнул за собой дверь. Шарко сопроводил его уход характерным жестом и отложил телефон, не сводя глаз с экрана.

– Насрать мне на твою грошовую критику. Пока что я делаю, что хочу, мать твою!

Продолжая ворчать, он навел курсор на крестик, чтобы закрыть страницу. Увидел, как в левом углу экрана появилась красная точка, потом исчезла. На черной странице она появлялась и исчезала, приблизительно каждые пять секунд. Шарко прищурился и приблизил лицо к картинке. Что бы это значило? Там что, кто-то есть – позади, в темноте? Что означает загадка про обезьяну и маску? Кто такой «Каратель»? Он терпеть не мог игры типа «пройди по жуткому следу».

Он попробовал поискать в Google *manifeste-angedufutur.com*. Но, кроме ссылки, выводившей на тот же сайт, ничего не было.

Если вы закроете доступ на сайт, я их убью, говорилось в письме. Человек отдал богу душу у входа в Управление, держа в руках этот текст, и ровно в означенное время. 17:02. Как кто-то мог умереть в столь точно предсказанный час, да еще и прямо у них под дверью? В него что, выстрелили отравленной стрелой из духовой трубки, или как?

Полная хрень. Не зная, что предпринять, Франк продолжал неподвижно сидеть в своем кресле. Белланже не ошибся: раньше шеф бы набросился на такое дело, наплевав и на перегрузку, и на бессонные ночи. Ведь именно такие ночи и выковали их команду... Их семью...

Он больше не прикоснулся к экрану и, брюзжа, поднялся:

– Ты меня достал по самые помидоры, Белланже.

4

В горло ей словно столовой ложкой напихали толченое стекло. Крошечные осколки, впиваясь в слизистую, вызывали желание вывернуться наизнанку. Флоранс сглотнула с болезненной гримасой; слюны не хватало. Веки отяжелели, и когда она поднимала их, раскрывая глаза цвета берлинской лазури, ничего не менялось. Тьма внутри и снаружи.

Боль растекалась в теле молодой женщины от затылка до кончиков пальцев на ногах. Голова кружилась, изнутри ее долбили настоящие удары молота. Она скорчилась, поджав колени под подбородком, как собака, свернувшаяся в своей корзине.

Когда она захотела разогнуть спину, то почувствовала сопротивление. И когда попыталась вытянуть ноги – тоже. Округлая раковина, очевидно, и была тем, что вынуждало ее сидеть в этой болезненной позе. При каждом движении она ощущала трение нейлона о свою кожу. Похоже, она была одета в ветровку от своего спортивного костюма и непромокаемые штаны бренда K-Way. И все было сухим.

Флоранс вспомнила, что занималась спортивной ходьбой под дождем, в отсветах фонарей. Долгий путь вдоль порта в квартале Жавель. Вздувшаяся черная Сена, чья потаенная энергия катила медленные волны. Как обычно, Флоранс свернула к парку Андре Ситроена, чтобы потом пройти по улице Монтань-де-л'Эсперу, но так до нее и не добралась. До нее донесся какой-то шум в кустах аллеи. Она едва успела обернуться и заметить среди деревьев восковое лицо с широкой улыбкой, черными усами и пустыми провалами на месте глаз. А потом – чья-то рука, зажавшая ей рот, острая боль в плече. И темнота.

После долгих судорожных попыток, извиваясь, как могла, Флоранс сумела выпрямиться, но головокружение еще на несколько секунд снова прибило ее к полу. Встав на колени, а потом на ноги, она расставила руки, чтобы попытаться понять, где она находится. Ей не удавалось вытянуть руки горизонтально – так, чтобы спина не уперлась в стену. Со всех сторон ее окружала изогнутая переборка. Она изо всех сил ударила по невидимой поверхности, но кулаки отскочили от пластика или плексигласа... Флоранс подняла руки над головой; кончиками пальцев она могла коснуться другой поверхности, на этот раз горизонтальной и тоже гладкой. И круглой. Крышка. Она подпрыгнула и толкнула ее со всей энергией, которую придавала ей молодость. Ничто не сдвинулось с места. Она заорала:

– Я хочу выйти!

В чем ее заперли? Почему? Одно слово пробивалось в мозгу, буква за буквой. К-И-Д-Н-Е-П-П-И-Н-Г. Да, именно: какой-то псих похитил ее и теперь заставит гнить здесь и будет насиловать. А потом убьет, потому что такие истории всегда заканчиваются плохо. Но почему она?

Для Флоранс было не новостью, что извращенцы и любители подсматривать следят за ней в соцсетях. В последние месяцы оскорбительные послания и угрозы стали обычным явлением, но она ограничивалась тем, что убирала соответствующие профили. А вдруг один из них решил наказать ее, помучить, кто его знает, из каких диких соображений? Хотя ей казалось, что она приняла все меры предосторожности. На Facebook полную анонимность ей обеспечивал псевдоним. Никто не видел ее лица. Она не делилась никакой личной информацией. Как ее могли выследить?

Обхватив голову руками, она снова закричала. Ее рука наткнулась на крепление мини-камеры, похожей на шлем велосипедиста. Указательным пальцем она подцепила один из ремешков и постепенно добралась до затылка. Аппарат был на месте. Она сорвала его с крепления, и к ней вернулась надежда: под объективом мигала красная точка. Это означало, вопервых, что батарейка заряжена и по-прежнему питает систему, а во-вторых, что камера готова передавать. Она порылась в заднем кармане куртки:

– Ну же, ну же, пожалуйста!

Флоранс перерыла все карманы, ощупала каждую складку одежды, все напрасно. Этот урод забрал ее мобильник. Она встала на четвереньки, ощупала всю круглую поверхность пола. Наткнулась на какие-то упаковки. Содрала обертку, понюхала. Шоколадные батончики, пакеты чипсов... Потом бутылка. Вода. Слава богу. Она умирала от жажды.

– Кто вы?

Флоранс оторвала губы от бутылки и обернулась. Мужской голос шел откуда-то сзади. Она всем корпусом развернулась к переборке и уперлась в нее ладонями:

– Кто говорит? Почему меня здесь заперли?

Молчание, последовавшее за вопросом, показалось ей бесконечным до такой степени, что она спросила себя, не почудилось ли ей.

– Понятия не имею. Вас принесли сюда два дня назад. В воскресенье. Ну, я так думаю. Сейчас, должно быть, вторник. С тех пор вы не шевельнулись. Я решил, что вы мертвая. Наверняка вам вкатили дозу.

– Два дня? Не может быть... А вы? Вас... вас тоже заперли?

– Да. Я здесь как минимум три дня. Я очнулся с водой и едой. Пить мне больше нечего, и... еды тоже совсем мало. Если у вас есть, что пить, не совершайте ту же ошибку, что и я, экономьте воду: неизвестно, сколько еще времени мы здесь пробудем... И еще... вам будет меньше хотеться... писать.

Она прижала бутылку к себе:

– Кто вы?

– Меня зовут Бертран Лесаж. А вас?

Имя показалось ей знакомым, но Флоранс не могла восстановить контекст. В голове плавал туман.

– Флоранс Визёр. А мы... мы знакомы?

– Не думаю, нет.

– Где мы?

– Не знаю. В каком-то подвале или старом здании. Наверняка недалеко от железнодорожных путей. До того как вы пришли в себя, я слышал гудок. Это был поезд, я уверен. Нас держат в чем-то вроде цилиндра с крышкой. У моего цилиндра в крышке есть дырка с трубкой, которая ведет наружу. Чтобы я мог дышать, как мне кажется.

Флоранс выпрямилась, пощупала:

– В моем тоже дырка. И... Да, я чувствую трубку.

Дырка была небольшой, туда и рука не пролезала. Флоранс вцепилась в ее края, попыталась расширить, но только изрезала пальцы.

– Я смог увидеть, что тут вокруг, единственный раз, когда наш похититель доставил вас, – сказал Бертран. – Он держал фонарик. Это мужчина в белой маске, вроде тех жутких масок, что носят хакеры. Я слышал, как он пытался, когда опускал вас туда. Похоже было... на животное.

Белая маска... Улыбка... Черная борода...

– Он что-нибудь говорил? – спросила Флоранс. – Он сказал вам хоть что-то?

– Он потребовал логин и пароль от моей страницы в Facebook, иначе пригрозил, что убьет вас. И он бы это сделал, поэтому я исполнил его требование.

– Доступ к вашей учетной записи в Facebook? Зачем?

– Не знаю, – очевидно, чтобы контролировать страницу вместо меня. Послушайте, я видел стенку моего цилиндра, ваш совсем рядом. И еще... Мы в каком-то большом помещении, пол вокруг бетонный. Слева от меня занавес, который, я думаю, разделяет помещение на две части. Над и под этим занавесом тянутся какие-то кабели и трубки. И еще, мне кажется... тут, в паре метров от нас, стоит камера на треноге. Хотя я не вполне уверен. И еще, между нашими цилиндрами, закрепленными на потолке, было еще...

– Что?

Флоранс услышала звук кожи, трещащей о пластик. Наверное, невидимый собеседник стоит всего в нескольких сантиметрах от нее.

– А что это за красная движущаяся точка? – спросил он.

– Объектив в футляре, закрепленном ремнем у меня на затылке. Он фотографирует каждую минуту. И подключен к моему мобильнику, который автоматически пересылает снимки в мой альбом на Facebook. Люди могут смотреть его в реальном времени.

– Вы хотите сказать, что наш похититель оставил вам камеру? И можно увидеть, что она снимает в этот момент?

– Нет. Он забрал у меня мобильник. Камера не может передавать фотографии. Она сейчас ни на что не годится. Потому он ее и не тронул. Он в точности знал, как эта штука работает. И наверняка наблюдал за мной.

Эта мысль вогнала ее в еще больший ступор. Как долго он следил за ней? Был ли он одним из интернет-пользователей, подключенных к ее сетям? Одним из «друзей»?

Молчание, потом снова раздался голос:

– Значит, посредством этих фотографий интернет-пользователи могли стать свидетелями вашего похищения в режиме реального времени?

– Да... нет, я не знаю, это зависит от того, когда был сделан последний снимок. Моя система каждую минуту посылает один снимок. Может... наш похититель не сразу ее заблокировал, я не знаю. Я включаю камеру только тогда, когда хочу поделиться, – например, когда бегаю. В дополнение к фотографиям в тот вечер мой маршрут в реальном времени отражался на Facebook.

Бертран уперся лбом в переборку. Изо всех сил. Он слушал, не говоря ни слова.

– Короче, если во время моей пробежки похититель резко отключил мой мобильник, вполне возможно, мои подписчики начали задаваться вопросами, прежде чем обратиться в полицию...

Флоранс приложила свои длинные худые ладони к лицу. Она сама в это не верила. По словам соседа, она провалялась здесь двое суток, и никто не бросился ее спасать. Ее настоящее имя на Facebook не значит. Для соцсетей она была *Flowizz*. Она запечатлевала какие-то моменты своей жизни, увиденные с ее затылка, но никогда не фотографировала саму себя. В этом была вся оригинальность ее замысла. Несмотря ни на что, она максимально оберегала свою личную жизнь, кликала в сети только изредка и лишь иногда писала сообщения своей группе.

В приступе тошноты она рванулась вперед и набросилась на перегородку, раз за разом нанося удары с криками отчаяния:

– Кто вы? Зачем вы так с нами поступаете? Покажитесь!

Она остановилась, только когда закончились силы.

– Послушайте, вы должны успокоиться, ладно? – тихо проговорил Бертран. – Отсюда не выбраться, поверьте, я уже все перепробовал. Надо беречь силы и думать...

– Нет. Я не хочу думать. Я хочу выйти отсюда. Я хочу вернуться домой.

– Я понимаю. И тоже хочу вернуться домой. Но мы оказались тут наверняка не случайно. И помещение, и наши цилиндры, и наше похищение – это требовало подготовки. Какой-то предварительной организационной работы, понимаете? Если он в маске, если у нас есть еда и питье, значит он не собирается нас убивать. Вы меня слышите?

– Слышу.

– Скажите мне, откуда вы. Где росли. Расскажите о себе, это поможет нам понять, что нас связывает.

Флоранс сползла по перегородке, прижала колени к груди. В диаметре цилиндр был самое большее один метр.

– Я живу в Исси-ле-Мулино... У меня... у меня небольшая квартирка... Мне... мне двадцать семь лет, я работаю дистанционно – в области информатики. Советы и все такое...

– Вы фрилансер? Ни начальника, ни коллег?

– Да, никого. Я... много бегаю, хожу в походы, езжу в групповые туры, как только представится случай. У меня бывали и дальние поездки, в Амазонию или в Африку. Я люблю путешествовать, смотреть на мир и на людей. В том-то и проблема, что людей я вижу много, и... любой мог сделать с нами это... А вы? Расскажите о себе.

– Как я уже сказал, меня зовут Бертран Лесаж. Я живу в Саране, недалеко от Орлеана, мне сорок один год, я коммерческий директор магазина электротоваров. Женат. Меня похитили из дома, когда я копался в машине. А значит, моя жена точно подняла тревогу. И в этот самый момент меня активно ищут. По крайней мере, я надеюсь...

Воцарилась мертвая тишина, которую Флоранс поспешила прервать:

– Вы начали говорить про какую-то штуку между нашими цилиндрами. Что там?

В следующие десять секунд Флоранс вообразила себе массу всего, но никоим образом не ожидала услышать пару слов, которые после паузы, показавшейся ей бесконечной, возникли в воздухе, как всадники Апокалипсиса.

– Петля висельника.

5

Ночи Николя были беспокойными, и сегодняшняя не стала исключением. Круговорот навязчивых образов и мыслей не дал ему сомкнуть глаз. Он снова раз за разом видел у своих ног мертвого незнакомца, человека без документов, с налитыми кровью глазами и искривленным ртом. Он переживал каждую минуту своей беседы с доктором Эбером в клинике, думал о каждом слове, вырванном из нутра, чтобы прозвучать громко и ясно. Этой ночью Камиль снова пришла повидаться, она танцевала в тумане его кошмаров, и пол негромко поскрипывал под ногой робкого призрака.

Да вдобавок не стоит забывать о паршивой погоде, вишенке на торте. Он слушал, как бесконечный дождь стучит по прогулочной палубе как раз над его каютой. Коричневые воды реки вытанцовывали у самого иллюминатора. Без сомнения, они поднимались.

Копу не приходилось сталкиваться с кошмаром июньского паводка, но он чувствовал, как растет напряженность среди обитателей барж вдоль всего порта Аньер-сюр-Сен. Накануне удары молотков и хлопанье досок раздавались до самой ночи. На берегах начали поднимать мостки, укладывая бетонные блоки. Встречаясь на набережной, соседи обсуждали положение дел. На сайте водных путей Франции или на Vigicrues¹¹ следили за метеопрогнозами, за уровнем воды в реке Гран-Морен в ста километрах от Парижа, а также в Марне и Йонне, притоках Сены. Водохранилища были наполнены на две трети максимального объема. Черета метеорологических катастроф делала любителей отдыха на воде параноидально чувствительными к любому затяжному дождю.

Николя быстро привел себя в порядок, воспользовавшись крошечной душевой, примыкавшей к каюте. Стоя под душем, он не уставал любоваться видом реки с одной стороны и деревьев – с другой. Запахи лимона, смешанные с запахом воска. Ощущение, что ты на природе, хотя достаточно было поднять глаза, чтобы увидеть на заднем плане шеренги домов Аньера. Но капитану полиции нравились иллюзия свободы, поскрипывание обшивки судна в темноте и килевая качка, словно приглашающая в путешествие.

Он выскреб все до гроша, чтобы купить эту старую баржу семидесятых годов. Банковский заем в сто пятьдесят тысяч евро на двадцать лет, совершенно разорительные ежемесячные выплаты, а главное, аренда стоянки ценой больше восьми тысяч в год – вот во что ему встало приобретение собственной посуды, но он больше не мог жить в квартире. Идея купить домик под Парижем с маленьким садиком относилась к области научной фантастики. И потом, корабль для одинокого мужчины в четырех станциях метро от нового расположения Судебной полиции – это идеально. Свобода стоит дорого.

В девять часов с плещущимся в желудке кофе он перебрался через плавучий мостик и углубился в окрестности порта Ван Гога. Деревянные столы для пикников, привязанные к ветке качели, велосипеды, мячи... Отдельный мирок, где решили обосноваться несколько десятков семей. Полицейский поприветствовал стоящего перед зданием дирекции начальника порта, прошел через решетчатые входные ворота и через пять минут бодрого шага втиснулся в переполненное метро на станции «Габриэль Пери». Он возвращался в джунгли с их шимпанзе, как прочувствованно выражался Ангел будущего. Сам он тоже принадлежал к этим полчищам.

Курс на Институт судебной экспертизы. Вскрытие обнаруженного в лесу трупа началось в девять утра, и Николя в разговоре с Шарко настоял на своем присутствии. Поезд наземного метро с надрывным скрежетом повернул налево сразу за Аустерлицким мостом, перед станцией «Набережная Рапе». В окно было видно огромное, похожее на пакетбот строение из крас-

---

¹¹ Служба информации о риске паводка на основных водных путях Франции (*фр.*).

ного кирпича, зажатое между Сеной и пятой линией, – парижский ИСМЭ¹². Туда со всеми возможными предосторожностями ежегодно переправляли три тысячи трупов, то есть в среднем по десятку за день. Смерти было плевать на метеоусловия, проблемы финансирования и шимпанзе. Она работала в полную силу.

Николя торопливо вышел из вагона, пересек сквер Альбера Турнера и, натянув на голову капюшон, пробежал несколько метров до входа для посетителей – он уже набрал двадцать минут опоздания. В конце коридора он различил силуэт, сидящий на стуле лицом к ритуальной плеяде бюстов различных директоров института.

Заметив его, Одри Спик чуть ли не бегом бросилась к нему. В одной руке она держала шерстяное пальто, в другой – черный зонтик. Николя не мог не признать, что в своем черном льняном пиджаке, двуцветном платке и лаковых ботинках, сверкавших, как на витрине магазина, она выглядела привлекательно. Ее лицо с высокими скулами и серо-голубыми глазами с чуть миндалевидным разрезом обрамляло каре цвета воронова крыла. Она была невысокой и очень тоненькой.

Они пожали друг другу руки.

– Прежде всего я хотела вас поблагодарить. Когда я вчера вечером увидела на своем мобильнике высветившийся номер майора Шарко, то подумала, что вы все ему рассказали про клинику. Но он, совершенно очевидно, был не в курсе.

– Клиника клиникой, а служба службой. Добро пожаловать в команду, старший капрал Спик. Я сейчас вернусь.

Николя оставил ее в коридоре и подошел к стойке за разъяснениями. После чего направился к лестнице. Одри безропотно последовала за ним.

– Не знаю, как тебе удалось это скрыть, но поступить в Управление, проходя курс лечения от ПТСР, о котором ты ничего не сообщила своему новому начальству... одно могу сказать: это круто. Классная основа для здоровой жизни в команде.

– Вы... Ты тоже не должен был ничего знать. Это очень личное. Все из-за того, что в клинике не сумели обеспечить анонимность и...

– Брось, я уже забыл. Только надеюсь, у тебя не будет проблем с работой, потому что, как нетрудно заметить, ты сразу попала в самый разгар. Вижу, ты вроде при полном параде и готовилась к приятному дню, типа пройтись по кабинетам, но с этим придется обождать.

– Без проблем.

– Ты в курсе дела?

– Франк Шарко мне вкратце изложил. Тело, обнаруженное вчера утром в лесу. Обнаженное, неопознанное и изуродованное. Как ты и сказал, мне предстоит сразу окунуться с головой.

Николя молча кивнул. Одри послушно пошла за ним следом. Этот тип дружелюбен, как тюремная дверь. Определенно, ей придется нелегко в Париже, городе, который всегда действовал на нее угнетающе, про который она ничего не знала еще полгода назад и где у нее не было ни родных, ни друзей. Но уехать с Юга и начать с нуля на новом месте, следуя программе «Франция. Живая память», было единственным способом как-то разрешить проблемы.

Перед самым выходом на арену Николя обернулся к ней. Накануне он просмотрел ее личное дело. Два года в ночной антикриминальной бригаде в Марселе, три года в бригаде по борьбе с наркотиками в Тулоне, еще три в отделе по борьбе с торговлей людьми в Ницце. Никаких пробелов в пути следования. Если она стала жертвой теракта на Английской набережной¹³ – что он и предположил, учитывая ее участие в программе, – и если сегодня она про-

---

¹² ИСМЭ – Институт судебно-медицинской экспертизы.

¹³ 14 июля 2016 г. в Ницце грузовик под управлением выходца из Туниса врезался на Английской набережной в толпу людей, наблюдавших за салютом в честь Дня взятия Бастилии. 86 человек погибли, 308 получили ранения. Нападавший был застрелен полицией.

ходит курс лечения, то как же она могла продолжать работу после июля 2016-го? Как смогла скрывать от всех свои страдания? Алкоголь? Колеса? Кокс? Как он сам в свое время.

– Все будет нормально?

Она побелела. Любое посещение морга по-прежнему действовало на нее ужасно. Она прикрыла глаза. Картины, звуки, запахи трагедии, произошедшей шестнадцать месяцев назад, ожили при приближении к смерти. Она все еще чувствовала теплоту крови на своих ладонях... Горячее дыхание на затылке... Давление пальцев, сомкнувшихся у нее на спине... Ее зрачки сузились, когда она подняла веки.

– Да, все будет нормально.

На самом деле про нормальность и речи не было.

6

Николя первым шагнул на вытертый бурый линолеум. Он бы предпочел, чтобы медэкспертом оказался не Поль Шене: этот человек в ярко-синих кроках на ногах проводил вскрытие Камиль. Он искромсал его любовь, вытащил один за другим ее органы или то, что от них осталось, потом разрезал их, отправив на весы или в пластиковые чаны. Однако Белланже вежливо поздоровался и представил нового члена команды.

Без дальнейших проволочек они расположились вокруг тела, у которого на большом пальце ноги красовалась этикетка. Шене с помощью ассистента уже вымыл, взвесил и отсканировал его. В момент их появления он как раз рассматривал на экране полученные рентгеновские снимки.

– Лицо мужского пола, белый, рост около метра семидесяти, вес семьдесят килограммов. Брюнет, короткая стрижка, возраст предстоит определить антропологу, но я бы сказал – от двадцати пяти до тридцати пяти. Тело пребывало обнаженным во влажной внешней среде, вне доступа ветра, при температуре воздуха от девяти до тринадцати градусов, в ночь с понедельника на вторник.

Отступив на шаг, Одри скрестила руки и приоткрыла губы, чтобы дышать ртом: медэксперт не предложил ментоловую мазь, а только респираторы и перчатки для защиты от микробов.

– Окоченение почти максимальное к моменту поступления тела, во вторник 7 ноября 2017 года, в 15:30, внутренняя температура семнадцать градусов, то есть выше температуры окружающей среды. Я сделал кое-какие подсчеты и глянул на графики. По первой прикидке, дата смерти приходится на канун его обнаружения, то есть на понедельник, 6 ноября, между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

Одри смотрела на изуродованное лицо. В правой пустой глазнице еще оставалась вода, словно человек плакал. Медэксперт вынужден был промыть ее струей, чтобы избавиться от грязи. Она ощутила звон в ушах, низкое эхо, пробивавшееся из глубины головы. Это был голос судмедэксперта. Теперь Шене перешел к внешнему осмотру. Он измерял, фиксировал каждую рану, записывая свои наблюдения на диктофон в своем мобильнике. Молодая женщина потрясла головой и больше не сводила глаз с тела. Она должна сосредоточиться, оставаться в этом помещении вместе с остальными рядом с трупом и пройти эту проверку, как она уже делала десятки раз.

– Носовая перегородка сломана, скулы сплющены... На лицо была вылита какая-то очень едкая жидкость, жировые ткани не растворены, что указывает на кислоту, но требуется подтверждение токсиколога.

Кислота, подумал Николя. Убийца не пожалел усилий. Стремился ли он скрыть личность жертвы? Или им двигало желание разрушать? Уничтожить лицо?

– Следы сопротивления на предплечьях и ладонях. Очевидные следы связывания на запястьях и щиколотках, *ante mortem*¹⁴. Левый мизинец ампутирован на уровне второй фаланги, но, судя по рубцеванию, операция имела место давно... Ноготь указательного пальца левой руки вырван и найден на месте преступления... Наличие татуировки на внутренней поверхности левого запястья.

Николя с другой стороны стола склонился ближе:

– Татуировка какого рода?

– Грубая, из тех, какие делают себе самостоятельно черной тушью, и недавняя, судя по степени заживления. Это дата: «7/11/2017 17:02».

---

¹⁴ Перед смертью, прижизненные (*лат.*).

Николя обошел стол, чтобы взглянуть самому. Шок.

– Вчера прямо перед Бастионом ровно в это время умер человек, оставив нам письмо с угрозами. 7 ноября 2017 года в 17:02.

Медэксперт держал руку покойника и внимательно разглядывал кончик указательного пальца.

– Мы его получили сегодня рано утром. Его доставили из Биша, верно?

– Да. Мы вызвали «скорую» к Бастиону. Вроде бы он умер от сердечного приступа, только вот глаза налились кровью.

– Увидим. Он стоит в плане, я займусь им в конце дня. В любом случае странное совпадение эта твоя история.

Николя сфотографировал татуировку. Как можно предполагать здесь случайность? Как человек мог носить на предплечье дату, с точностью до минуты обозначающую смерть другого человека, который к тому же скончался на день позже его самого? И зачем оставлять на теле такой нестираемый знак?

Он бросил взгляд на Одри, та была неподвижна и сосредоточенна. Трудно сказать, хорошо она себя чувствует или плохо: казалось, ее лицо покрывает слой воска, что придавало ей сходство с телами, которые вылавливают в канале после недолгого пребывания в воде.

– Ты заметил маленькую отметину между большим и указательным пальцем? – бросил Шене. – Это любопытно. Похоже на след от укола, только толстой иглой. На сканере я заметил присутствие инородного тела. Сейчас посмотрим.

Врач взялся за скальпель и сделал тонкий надрез. Лезвие наткнулось на крошечную пластиковую трубочку, не крупнее рисового зернышка. Он аккуратно подхватил ее пинцетом, протер о рукав халата и поднес к свету. Она была прозрачной, с миниатюрными электронными деталями внутри.

– Похоже на электронный чип.

Николя и Одри внимательно изучили предмет.

– Чип под кожей?

– Я и не знал, что такое можно вживить – разве что в научно-фантастических фильмах, я хочу сказать. В любом случае вживление любительское. Такие штуки в больнице не практикуют.

Медэксперт поместил чип в пластиковый пакет и вручил Николя, затем отошел к рабочему столу за угольником и продолжил обследование.

– Калечащие повреждения с частичной утратой ткани... Зубные дуги удлиненные, с узким внутренним межклыковым пространством. Клыки нанесли глубокие раны. Некоторые идут до кости, разрывая мускулы и сухожилия. Подреберная область вскрыта, даже разодрана. Часть печени извлечена наружу и изглодана. Укусы не человеческие.

Пока Николя задумался о печени: зачем ее вытащили из внутренностей жертвы? Шене попросил ассистента промокнуть края ран, на которые он указывал тампоном на палочке.

– Затребован анализ на амилазу, чтобы подтвердить наличие слюны животного. Небольшое ее количество всегда можно обнаружить, если имел место укус, даже при самых неблагоприятных погодных условиях. И пожалуйста, сделай срезы с этих трех ран для патологоанатома.

Шене приложил угольник к специфическому повреждению на правом бедре:

– А вот здесь нечто необычное, должен признать.

Он сфотографировал рану крупным планом, потом вернулся к шее:

– Царапины под подбородком, типичные для хищника, который продвигает голову вперед, когда чувствует, что его хватка слабеет. На конечностях, то есть на ступнях, ногах, ладонях и руках, следы жестокого нападения. Кровавые подтеки преждевременного окраса, красные и синие. Возможно, были нанесены *ante mortem*, что следует подтвердить диафаноскопией.

Все это согласуется с оборонительными отметинами: субъект был атакован при жизни, одним-единственным животным, учитывая однотипную форму укусов. Некоторые другие раны, в частности в области печени, скорее, нанесены *post mortem*¹⁵.

– У вас есть соображения относительно того, какое это может быть животное? – спросила Одри.

Шене поднял руку, призывая к терпению. Он продолжил описание, остановился на трупных пятнах, предположил, что смерть стала следствием раны в области горла, а после того, как человек скончался, была извлечена печень. Николя подумал, что речь может идти об инсценировке или о некоем ритуале, придуманном убийцей.

Медэксперт взял несколько проб – из-под ногтей, волосы – для токсиколога. По его мнению, лицо было раздроблено, размозжено каким-то тяжелым инструментом, вроде металлического лома или кувалды, уже после смерти, а потом растворено кислотой. Одри крепилась изо всех сил, стараясь держаться прямо, но гул в голове нарастал. Несмотря на ледящий холод в прозекторской, ее ладони под перчатками стали влажными, а по спине стекали капли пота.

Медэксперт сделал всем знак подойти ближе:

– Видите? Вот хватка на горле. Мощная, глубокая. Я посмотрю после вскрытия, но, по моему, он потерял много крови, что и стало причиной смерти. В таком случае место обнаружения тела и было местом преступления. Но мы это и так предполагали.

– О чем ты думаешь? – спросил Николя.

– Я поговорю с ветеринаром. Априори я дал бы руку на отсечение, что это собака какой-нибудь мощной породы, вроде стаффа или питбуля. Мне приходилось осматривать жертв нападений животных такого рода, когда я консультировал в госпитале Помпиду. У них специфическая форма укуса, очень широкая челюсть и короткие клыки, как здесь. И они способны вырвать половину икры.

– Так почему в нашем случае это не может быть такой зверь?

Шене подвел полицейских к экрану компьютера, рядом с окном, выходящим во внутренний двор ИСМЭ. Дождь барабанил по стеклу, нарушая покой мертвецов. Шене показал несколько снимков:

– Перелом большой берцовой кости в месте укуса. *Idem*¹⁶ локтевой и лучевой костей. Эта зверюга буквально раздробила ему кости. Даже питбуль не способен причинить такие повреждения. А размер пасти! Это ни в какие ворота.

– Тогда кто? Лиса? Волк?

– Нет-нет, у них форма пасти более вытянутая, более узкая. Я дам вам ответ, как только получу заключение ветеринара.

Четверть часа спустя медэксперт перешел к внутреннему обследованию. Вскрытие грудной клетки и брюшной полости, полости таза, черепа, извлечение внутренних органов – и все это под визг грудных пил, скрип скальпеля, металлических прикосновений к мягкой коже, покрытой синими, лиловыми и желтыми разводами. Одри засунула в рот сразу три пластинки ментоловой жвачки. А Николя не смотрел ни на Шене, ни на тело. Он вспоминал фотографии с места преступления, ноготь, застрявший в древесине щита. Может, этого человека бросили в яму на съедение зверю, прежде чем изуродовать лицо и вскрыть живот, чтобы вытащить кусок печени? Кто присутствовал при убийстве? Человек подвергся пытке, потом его изувечили и оставили в грязи под ледяным дождем. Да вдобавок эта непостижимая татуировка, зловещее предсказание...

Коп чувствовал, как в животе разгорается огонь – энергия, необходимая, чтобы с головой погрузиться в новое расследование. Охота началась.

---

¹⁵ Посмертно (*лат.*).

¹⁶ То же самое (*лат.*).

Шене подтвердил смерть в результате разрыва сонной артерии. Кровь из нее выплеснулась под давлением, значит сердце в тот момент еще билось. Когда все органы были взвешены, срезы сделаны и все необходимые образцы изъяты, медэксперт сложил все на место, как в игре «Доктор Мабуль»¹⁷, и зашил, чтобы хоть отчасти придать телу человеческий облик – непостоянная задача при подобном состоянии лица. Кто-то скучал по этому человеку, кому-то он был нужен и близок, а значит, кто-то однажды придет сюда, чтобы попытаться опознать и, возможно, достойно похоронить...

Когда вскрытие закончилось, Николя убрал в карман опечатанный пакет с чипом и в сопровождении Одри направился к выходу. Оказавшись снаружи, молодая женщина сделала глубокий вздох и подняла голову. Горизонт ограничивался стеклянными башнями Берси и вполне подходил к постапокалиптической картине. Холод дождевых капель на коже успокоил ее и отбил пропитавший их обоих запах мяса с душиком и кишечных газов. Николя достал сигарету и прикурил, укрывшись под портиком входа.

– Непросто? – бросил он, предлагая сигарету и ей.

Она отказалась и глянула на сообщение, от которого завибрировал телефон.

– Скажем так: разделка туши – не та часть нашей работы, которую я люблю больше всего. А эта была особенно ароматной.

– Я спрашивал не о вскрытии.

Она не ответила, быстрыми и точными движениями набрала на клавиатуре ответ, широко улыбнулась, открыв ровные зубы, и убрала мобильник в карман. На несколько секунд ее лицо озарилось слабым бледным светом, украденным у хмурого неба. Николя осознал, что пристально ее разглядывает. Он отвернулся и посмотрел на экран собственного телефона.

– По правде говоря, тухлятину никто не любит. Ты на машине?

– На метро.

– Ладно. Тогда пошли.

Он выслушал сообщение, которое прислал Шарко. *«Это я. После вскрытия возвращайтесь, и побыстрее. Это сайт в Интернете. И эта штука движется»*. Он отсоединился и, едва зайдя в метро, связался с адресом, который числился в избранном.

То, что он обнаружил, едва не заставило его пропустить поезд.

---

¹⁷ «Доктор Мабуль» – настольная игра для детей, где играющий выполняет роль хирурга, вытаскивающего пластиковые «органы» из «пациента».

7

С самого утра Одри чувствовала, что ее будто закрутило в вихре. Не было времени ни зайти в оружейную и получить свой «зиг-зауэр», ни глянуть на помещение, которое отныне ей предстоит делить со своей новой командой. Бастион был целым городом. Километры одинаковых коридоров. Двери на сколько хватает глаз. Службы и сокращения – UGP, SABL, SRIJ – что это?! – от которых начинала кружиться голова. В лифте и на седьмом этаже ее встретили приветливые лица, она пожимала руки, но не запомнила ни одного имени или звания. Все было слишком быстро.

Шарко с нетерпением ждал их с Николя у дверей кабинета комиссара Жеко, всего в нескольких метрах от своего собственного. Молодую женщину впечатлил разворот плеч ее начальника, его суровое изможденное лицо, на котором, словно на папирусе, отразились все тридцать лет его службы в уголовной полиции. Она уже навела справки о невероятной карьере этого копа, о громких делах, которые ему удалось раскрыть, и теперь спрашивала себя, сумеет ли она проявить себя на достаточной высоте, чтобы работать в его команде.

Он протянул ей руку, твердую, как полено:

– Сразу в омут с головой. Добро пожаловать в преисподнюю.

– Счастлива в ней оказаться, майор Шарко.

– Зови меня Франк или Шарк, как больше нравится. И мы на «ты». Как было в морге?

– Ну... поначалу холодновато, но к этому быстро привыкаешь.

Он улыбнулся ей. Они зашли, она первая. Максим Жеко кратко поздравил ее со вступлением в ряды и пожал руку Николя. Затем комиссар предложил пройти в оперативный штаб, примыкающий к его просторному кабинету. Помещение, которое могло вместить человек десять, было оборудовано по последнему слову техники, с большим столом, защищенными телефонами, телевизорами. Николя сел рядом с Одри и шепнул ей:

– Ты уже видела Франка Шарко, нашего босса, Максима Жеко, начальника уголовной полиции. А это... Простите, вы...

Он смотрел на женщину лет сорока с открытым лбом и короткими светлыми волосами, откинутыми назад.

– Я Летиция Шапелье, специалист из BEFTI, Отдела расследований мошенничества в области информационных технологий. Мы располагаемся на третьем этаже. Я штатское лицо и занимаюсь новыми технологиями. Обычно сижу перед экраном у себя в кабинете, но меня вызвали на это дело.

Одри сдержанно ее поприветствовала. Несмотря на косметику и подтянутый вид, Шапелье показалась ей усталой или больной: глаза и кончик носа у нее покраснели, как будто ее мучил насморк.

– А это Жак Леваллуа из антитеррора, наш сосед по этажу, – продолжил Николя. – Это ему ты обязана своим местом в команде, потому что он предательски нас покинул после многих лет доблестной и верной службы.

– И не жалею. Очень приятно.

– Напротив Паскаль Робийяр и Люси Энебель, твоя новая семья. Люси по совместительству жена майора.

Люси махнула ей рукой:

– Ага, по совместительству. Добро пожаловать.

Быстрый обмен кивками. Одри постаралась запомнить имена и должности, прежде чем обратить свой взгляд к четырем большим экранам, занимавшим всю дальнюю стену. Обычно они в реальном времени показывали записи любой камеры наблюдения в Париже и его ближайших окрестностях, и их можно было переключать прямо отсюда. Нечто вроде облегчен-

ного варианта *Big Brother*¹⁸ по версии Управления, чьей главной задачей была борьба с терроризмом, а также отслеживание подозреваемых по всему маршруту их движения. Но на этот раз только два верхних экрана были отведены под наружные камеры. Что касается нижних, то один показывал электронный скан письма с угрозами, а на другой было выведено содержание интернет-страницы *manifeste-angedufutur.com*.

Одри ознакомилась с письмом и посмотрела на соседний экран. Он показывал два цилиндра метра два высотой, накрытые крышками и расположенные меньше чем в тридцати сантиметрах друг от друга. Она узнала большие резервуары, какие устанавливают в саду у водосточков, чтобы собирать дождевую воду. Они были прозрачными, что позволяло видеть их содержимое.

Внутри были заперты мужчина в синем рабочем комбинезоне, покрытом масляными пятнами, и молодая женщина в темно-синих спортивных штанах. Скорчившись на полу, они сидели спиной к объективу. Помещение, казалось, было освещено мощным прожектором, явно расположенным позади снимающей камеры. Между двумя цилиндрами можно было рассмотреть подвешенную к потолку толстую веревку со скользящей петлей. В глубине – стены из неотделанного бетона, внизу электрические кабели, которые змеились по полу и исчезали за занавесом. Наверху экрана высвечивалось странное послание:

Там, где прячется маска, находится обезьяна.

Максим Жеко остался стоять в торце стола, упершись о него ладонями. Хрупкий, вполтину легче Шарко, костюм на три размера меньше, но этот сорокалетний мужчина с заострившимися чертами лица, состоящего из одних углов, и глазами такой черноты, что из нее не пробивалось ни одного лучика света, внушал уважение.

– Похоже, Ангел будущего вернулся, – произнес он низким голосом, – и на этот раз сразу развил бешеную скорость. Давайте, Летиция. Освежите нам память. Расскажите о нем.

Специалист из ВЕFTI взяла слово:

– Прошу прощения за мой плаксивый вид, но я страдаю мигренями, и головные боли в последние дни все сильнее. Но могу вас заверить, что это, разумеется, не мешает мне работать. Так вот, короче... Ангел будущего в информационном поле гигантище. Хакер, способный влезть в любую систему и взломать пароли. С тех пор как он опубликовал генетический код президента, его пытались отследить всеми возможными компьютерными способами, но впустую. Обычно личности такого типа совершают какую-нибудь маленькую ошибку, позволяющую их идентифицировать. Только не он. Говоря проще, его соединения с сайтом Елисейского дворца были защищены длинными цепочками серверов с неотслеживаемыми соединениями, расположенными по большей части в странах Восточной Европы...

Она глянула на экраны, потом повернулась к собравшимся:

– Он использовал номер взломанной кредитки, возможно купленной в Даркнете, чтобы оплатить лабораторию «WorldDna», которая провела генетическое исследование, основываясь на отпечатке пальца, а также фальшивый адрес электронной почты, причем особо защищенный, на который он и получил лабораторные результаты перед тем, как опубликовать их на сайте Елисейского дворца.

Глаза Летиции Шапелье заблестели, она выпрямилась на стуле, взяла стаканчик с водой и поднесла его к губам.

– Мы перерыли все, искали в Интернете, в активных сетях биоконсерваторов, среди анти-GAFA, – вмешался Жак Леваллуа. – Мы также отправили запрос в Главное управление внутренних сил безопасности. Ни следа какого бы то ни было Ангела будущего. Что касается способа, каким он раздобыл отпечаток, идентифицированный нашей службой как принадлежащий

---

¹⁸ *Большой Брат* (англ.) – центральный образ романа Джорджа Оруэлла «1984», единоличный лидер государства, где за гражданами установлена тотальная слежка.

президенту, то и тут не нашлось и тени следа. Слишком обширное поле. Это могло случиться когда угодно и где угодно. На митинге, когда президент еще не был президентом, или в момент рукопожатия, что было частым явлением восемь месяцев назад, или в любом месте и с любым предметом, которого президент мог коснуться.

Комиссар посмотрел на Одри, чьи брови в форме безукоризненных полукружий сейчас выражали изумление.

– Да, это были именно его отпечатки пальцев, старший капрал Спик. В нашем заведении это секрет Полишинеля, но постарайтесь не распространять данную информацию за пределами здешних стен. Даже если сами анализы ДНК носят предсказательный характер и совершенно ненадежны, вы можете себе представить, сколь катастрофическим с точки зрения возможных перевыборов станет формальное подтверждение того, что нами управляет президент, происходящий из народа варваров, да еще с семидесятипроцентной вероятностью на то, что в ближайшие годы у него разовьется болезнь Альцгеймера...

Одри подумала, что у всех президентов случалась болезнь Альцгеймера, когда речь заходила о том, чтобы сдержать предвыборные обещания. Жеко взгляделся в лицо каждого, кто сидел вокруг стола.

– Это доказывает также, что наш парень не шутник и к его угрозам следует относиться крайне серьезно. В этой истории уже есть один мертвец, причем прямо у наших дверей. Вчерашний прискорбный инцидент непосредственно перед Управлением является мощным символом: он нападает на нас, следовательно, на власть, а значит, на государство. Загадочная надпись вверху страницы, два человека, запертые в резервуарах для воды, и виселица между ними – от всего этого за версту несет садистскими играми. В письме говорится о манифесте, как и в названии сайта.

Он уставил указательный палец в экраны, в его жесте одновременно читалось и приказание.

– Я не желаю бойни в прямом эфире. Никто не должен знать о существовании этого сайта. Ни малейшей утечки, ни слова вне стен службы, и бегите, как от огня, от всего, что похоже на микрофон журналиста. Это не ваша забота, а моя и прокурора. Если пресса докопается, то все окажется на первых полосах любого таблоида.

На экране произошло движение. Молодая женщина в спортивном костюме, сидя на корточках, повернулась к камере. Она казалась ослабевшей и смотрела прямо в объектив. По ее лицу катились слезы. Она спустила брюки и помочилась в пустую бутылку из-под воды. Копы смотрели на нее со смесью отвращения и жалости.

– Мы сможем больше узнать об этом интернет-сайте?

Летиция Шапелье не сразу отвела глаза от экрана:

– Ну... Я уже посмотрела: имя домена приписано к «Датаскопу», это французский хостинг-провайдер. Когда прокурор даст зеленый свет, я получу доступ ко всем следам. Мы узнаем, кому принадлежит сайт, когда был создан, а также получим IP-адреса всех пользователей, которые на него когда-либо заходили. На мой взгляд, Ангел будущего слишком осторожен, чтобы создать сайт со своими настоящими координатами. Как и с лабораторией «WorldDna», он наверняка использовал фальшивые данные – фальшивое имя, фальшивый адрес, краденую банковскую карту, – и вполне возможно, что он подсоединяется и ведет его через посторонние серверы, как и было с сайтом Елисейского. Громадная разница заключается в том, что данный сайт принадлежит ему, так что он может делать все, что ему заблагорассудится.

– А у нас будет возможность закрыть этот сайт, если потребуется?

Она заколебалась:

– Да... С помощью хостинг-провайдера. Но как раз этого лучше не делать.

– Почему?

– Наш субъект наверняка подсоединен к своей странице. И он знает, что мы тоже на ней, или благодаря счетчику, или, что надежней, просматривая имеющийся в его распоряжении список посетителей. При малейшем обрыве связи он может привести свою угрозу в исполнение и убить этих... этих людей.

– И он полон ненависти, – вмешалась Люси. – *«Несмотря на мое предупреждение...», «Бедные шимпанзе», «Шимпанзе должны заплатить»*. Он говорит «вы», «вы делаете». Он считает нас шимпанзе и отделяет себя от общей массы. Он не хочет смешиваться с нами. Он не слишком нас любит и если полностью впал в свое безумие, то рискует дойти в нем до конца.

Максим Жеко кивнул и снова обратился к Шапелье:

– И тем не менее следует подготовить процедуру быстрого отключения. Чтобы достаточно было нажать на кнопку, если дела пойдут совсем плохо и доступ к сайту возможных пользователей будет заблокирован. Вы сможете это обеспечить?

– Да, тут нет никаких сложностей.

– Отлично.

Жеко обратился к Леваллуа:

– Как по-твоему, к чему нам нужно готовиться в ближайшие часы или дни?

– К тому, что он перейдет к действию. Очевидно, что он написал манифест и цель у него одна – распространить свою идеологию. Если бы он прямо сейчас прислал его и попросил опубликовать, ни один журналист и пальцем не шевельнул бы. Он прекрасно знает, что сначала нужно придать себе весу. Поддать жару. Этот сайт – его витрина, залог серьезности его выступления. Когда он хакнул страницу Елисейского дворца, опубликовал генетический код, это не возымело того эффекта, на который он рассчитывал, даже с публикациями в прессе и ссылками в соцсетях. Все было опровергнуто, ничего не доказано, через несколько дней интерес пошел на спад. И вот через два года он возвращается. А учитывая эту страницу и то, что вчера произошло прямо перед Бастионом, будьте уверены, что он созрел и полон куда большей решимости.

Леваллуа указал пальцем на нижнюю часть правого экрана:

– Сдается мне, он в самом скором времени раскроет существование своего сайта, не знаю как, но он это сделает. Иначе какой смысл, если мы – единственные его зрители? И число подключений начнет расти. Если те, кто зайдет на его страницу, будут классическими интернет-пользователями, очень немногие из них оттуда уйдут. Остальные, напротив, не смогут от нее оторваться и еще дадут ссылку на нее всем своим контактам. Те ее размножат и так далее. Всем известно пристрастие людей к патологиям, к вуайеризму, к трансгрессии¹⁹. Знаете, как говорят: случись авария на обочине, и все только в ту сторону и смотрят... Короче, если информация появится, за несколько часов она расплзется как вирус, и мы не сможем противостоять всестороннему и бурному обсуждению этого дела в прессе. Все, что угодно, выплеснется в лихом бардаке, лишь бы это было зрелищно и захватывало аудиторию.

Шарко слушал, не говоря ни слова. Леваллуа попал в точку. В наши дни, учитывая соцсети, все вспыхивало от малейшей искры. Некоторые не слишком шепетильные СМИ не тратят время на проверку источников и показывать будут без фильтров, потому что каким бы жестоким ни было зрелище, оно привлечет толпу.

На экране мужчина в рабочем комбинезоне встал и посмотрел в камеру, опершись ладонями о переборку. Впервые они смогли увидеть его лицо.

– Другими словами, он схватил нас за яйца, – бросил Жеко.

– С вашего позволения, можно сказать и так, да.

– Я не допущу, чтобы какой-то жалкий недоумок издевался над нами. Дело становится приоритетным. Шарко, подключай к этому дорожный каток. Тряси соответствующие службы.

---

¹⁹ Здесь: преодоление социальных запретов.

Анализ письма, бумаги, почерка, поиск отпечатков. Найдите, какие магазины продают такого рода резервуары для воды; у него крупногабаритная модель, значит не слишком распространённая. Свяжись с BRDP²⁰, я хочу знать, кем был тип, который вчера скончался у нас на руках, и как, мать его, он умудрился предсказать свою смерть в 17:02. Кто посещал сайт до нас, кто эти пленники... И где сам мерзавец скрывается. Дело леса Бонди спустим на тормозах. Оно может подождать.

Шарко одобрительно кивнул. Николя встал:

– Простите, комиссар, но я, напротив, считаю, что мы должны вплотную заняться расследованием истории с лесом Бонди.

– А можно узнать почему? Того, что на нас свалилось, тебе недостаточно?

– При всем уважении, но у трупа из леса была на запястье татуировка с точными датой и временем смерти нашего анонимного курьера. И он написал не «17 часов», а «17:02». Какова вероятность совпадения? Таких случайностей не бывает, оба дела безусловно связаны. Продвинемся в одном, продвинемся и во втором.

Шарко вытаращил глаза. Шеф тоже, особенно когда Николя предъявил фото татуировки и опечатанный пакет.

– У того человека был еще вот этот электронный чип, вживленный в руку.

Пакет с чипом и мобильник со снимком пошли по рукам. После некоторого раздумья Жеко принял решение:

– Ты прав, такая штука исключает любую случайность. А татуировка, она что, предсказание? Фокус?

– Не знаю, комиссар.

– Ладно, Шарко, держишь оба дела на равном приоритете, за мной общий контроль. И не стесняйся в ресурсах; если нужно, можешь взять кого-то из группы Юрьеца, он работает над делом педофила, но там не пожар. Я со своей стороны тоже посмотрю, кого тебе подобрать, потому что тут будет завал, я нюхом чую. Ведем два дела параллельно, причем на данный момент в условиях «очевидности»²¹, нам это развязывает руки и поможет избежать кучи отчетности.

Он сложил стопкой бумаги и уставил палец на майора:

– Ты жмешь на все педали и докладываешь мне каждый день. Если только очередной теракт не свалится нам на голову, оперативный штаб в вашем распоряжении; собирайтесь, когда вам удобно, а главное, используйте его возможности на все сто. Это хороший инструмент, так что не пренебрегайте. Все телефоны прямые, можете связываться с нужными людьми в нужный момент, не теряя времени. А если вы умеете управляться со всей этой компьютерной хренью, то будет вам счастье. Договорились?

Франк только кивнул, губы его вытянулись в тонкую, как лезвие, линию. Все встали, кроме Одри, которая уткнулась носом в свой мобильник.

– В твоём телефоне есть что-то более интересное, чем наши мелкие неурядицы, старший капрал Спик? – бросил комиссар.

Молодая женщина протянула экран. На нем был портрет мужчины, который в этот самый момент смотрел в их сторону из глубины своего цилиндра и взглядом умолял о помощи.

– Я знаю, кто он.

---

²⁰ Бригада по борьбе с преступлениями против личности. Служба, расположенная на том же этаже и занимающаяся исчезновением людей, а также идентификацией трупов (фр.). (Примеч. автора.)

²¹ «Очевидные» преступления – такие, которые совершаются в условиях очевидности, когда исходная информация содержит данные и о событии, и о виновном. При их расследовании внимание в первую очередь уделяется выяснению обстоятельств и мотива.

8

С сиреной, закрепленной магнитом на крыше их «Пежо 207» с надписью «ПОЛИЦИЯ», Люси и Николая прокладывали себе путь по автостраде А10 в направлении Орлеана. Из-за ливня водители еле ползли, что, в свою очередь, замедлило движение на протяжении многих километров. Вдали в зеркале заднего вида медленно исчезал в серо-черной мгле Париж, словно проглоченный пастью великана.

Лицо на экране мобильного Одри Спик принадлежало Бертрану Лесажу, жителю городка Саран, о котором в последнее время шло много разговоров. Вместе с женой он оказался в центре скандала, который взбаламутил политическое и медийное пространство. Люси продолжала просматривать на своем телефоне посвященные ему статьи и вкратце пересказывала их Николаю.

– Я не следила за этой историей, но, похоже, там масса пикантных подробностей. Только послушай: *«Во время обычной проверки следователь по гражданским делам сумел вскрыть невероятное мошенничество в области вынашивания чужих детей. Обвиняемая супружеская чета посредством короткого объявления на бельгийском сайте нашла анонимную суррогатную мать, готовую родить им ребенка. Этот ребенок был зачат путем оплодотворения семенной жидкостью мужа в гостинице парижского предместья в июле 2016...»*

– Как поэтично...

– *«...Чтобы их уловка удалась, вышеозначенные супруги воспользовались прецедентным правом, введенным в 2006 году, позволяющим установить отцовство даже в случае отказа матери от ребенка. Чета Лесажей была обвинена судом высшей инстанции Орлеана в оставлении без надлежащего ухода родившегося ребенка или ребенка, который должен появиться на свет».*

Она пробежала другие статьи.

– Парочка пока не смогла получить младенца, который оказался юридически заблокирован в яслях в Осере. Проблема в том, что, если Бертран Лесаж действительно отец и требует отдать ему малыша, это перекрывает ребенку возможность оказаться в приемной семье. В целом история напоминает какую-то чадающую газовую трубу, особенно если глянуть на разразившиеся дебаты. Тут тебе и Центр репродуктивной медицины, и Ассоциация суррогатного материнства, и усыновление...

– Ничего удивительного, если вспомнить, какой бардак творится при обычном разводе, когда речь заходит об опеке над детьми. А что там с биологической матерью?

– О ней ничего нет.

Ее телефон зазвонил. Паскаль. Она включила громкую связь.

– Я в BRDP, – сообщил Робийяр. – В их картотеке пропавших нет ничего о Бертрane Лесаже. Мы связались с муниципальной полицией Сарана: супруга не подавала никакого заявления о нападении или похищении. На телефонные звонки она не отвечает. Группа местных полицейских только что отправилась по их адресу. Ставни закрыты, никакого шума, машина припаркована у дома, но никто не отвечает на стук. Я сказал им, что мы сами займемся.

– Через сорок пять минут мы будем там, – бросил Николаю. – Пошли туда слесаря.

– О'кей.

Люси дала отбой:

– Это скверно пахнет. Первое, что она должна была бы сделать, когда исчез муж, – вызвать копов.

Двадцать минут спустя Николаю съехал с автострады.

– Похоже, Франк на меня злится. К концу совещания он меня испепелял самым своим убийственным взглядом. Он не хотел двух дел зараз. Но я же не мог промолчать? Ведь важно было сказать про татуировку, верно?

– Ты просто делал свою работу. Франк с трудом пытается освоиться, и я думаю, он переживает, что меньше времени проводит с нами. Представь, что быка заперли в кабинете.

– Кстати, ты не в курсе, почему он взял Одри Спик? Нельзя сказать, что кандидатов на место Леваллуа не хватало.

– Похоже, что паритетный состав полов на сегодняшний день является одним из критериев отбора. А дальше Франк отобрал лучшие личные дела. Девушка предложила свою кандидатуру, у нее железобетонный послужной список – бригада по наркотикам, потом по торговле людьми, – плюс она попадает в нужный момент... На собеседовании она производит хорошее впечатление, как и при посещении будущего рабочего места. Вот и все, никаких особых загадок. Во всяком случае, я-то довольна. Команде явно не хватало женского присутствия.

Она глянула на него краешком глаза, и ей захотелось его подразнить.

– Ты впервые настоял на своем присутствии при вскрытии. И должна признаться, утер нам всем нос. А еще ты был там, когда она впервые пришла в Бастион, и проявил массу внимания, надо заметить, а также оказался отличным гидом. Она очень миленькая, наша новенькая, и такая вся ладная.

Белланже пожал плечами:

– Ты что, решила, будто я наброшусь на нее из-за ее аккуратной попки? Промашечка вышла. И потом, эта девица влюблена без памяти. Всю дорогу в метро она только и делала, что слала СМС с приклеенной улыбкой на губах, всякие «я тоже скучаю» и прочую дребедень в таком роде. Для ясности: я не собирался читать, но... вагон был переполнен, и ее просто притиснуло ко мне.

– А что, в ее резюме не указано «не замужем»?

– Ты из брачного агентства? Разве нельзя быть не замужем и иметь парня? Может, ее парень остался в Ницце или приехал с ней в Париж. Или же она лесбиянка. Что это меняет, если она справляется? Остальное не наше дело. Что за мания всегда все знать...

Люси не стала настаивать. Белланже мгновенно вспыхивал, стоило выйти за рамки работы. Офицер судебной полиции, чье прошлое кокаиниста ни для кого не было секретом, да еще проходящий курс лечения от ПТСР – немудрено, что у него редко возникало желание рассказывать о своей личной жизни.

В пять вечера они встретились со слесарем, который ждал их в квартале малоэтажной застройки. Сначала они обошли вокруг дома, пробираясь по пропитанному водой саду. Трава беспорядочно разрослась, деревья давно пора было подрезать – дело о суррогатном материнстве наверняка поглощало всю энергию супружеской четы. У Люси возникло ощущение, что сквозь планки в ставнях пробился голубоватый отсвет, который померк в тот момент, когда она подняла голову. Она застыла.

– Вон там... мне показалось, что я заметила свет сквозь ставни.

Николя поднял глаза, но ничего не увидел.

– Тебе показалось или ты уверена?

– Он просто мелькнул. Да еще дождь и капюшон... Ни в чем я не уверена.

– Пошли посмотрим.

Все входы в домик были заперты. Они подзвали слесаря, и тот меньше чем за пять минут разобрался со входной дверью. Николя скинул капюшон и зашел первым, с «зиг-зауэром» в руке. Нажав локтем на выключатель, он осветил гостиную слева и открытую кухню справа. На столе тарелка с прилипшими остатками макарон, пустой стакан из-под воды, брошенные столовые приборы с присохшим соусом. В раковине громоздится посуда, мусорное ведро переполнено.

Николя потрогал раскаленный обогреватель:

– Это полиция! Есть кто?

Не получив ответа, он начал опасаться худшего, раз уж машина стояла на подъездной дорожке. Внезапно леденящая тишина была нарушена скрипом прямо над их головами. У Николя перехватило дыхание, и он бросился к лестнице. Люси следовала за ним по пятам, сжимая во влажных ладонях оружие. Память тела оживала каждый раз, когда она вот так проникала в пустое на вид жилище. Опасность могла возникнуть из любой слепой зоны, из сгустка тени...

– Все нормально? – прошептал Николя.

– Да-да...

Еще один выключатель, Николя нажал и на него. Теперь они продвигались медленно, внимательно прислушиваясь к малейшему шуму. Прошли мимо детской. Над пустой колыбелью без матраса покачивались зверушки, подвешенные к мобилю. Люси заметила на кресле у шкафа ноутбук с закрытой крышкой, на которой мигал индикатор: он был подключен к сети.

Как если бы призрак был здесь всего несколько секунд назад.

В ванной пусто. В глубине коридора смятые простыни на кровати в родительской спальне. На полу валяется одежда. Николя для подстраховки осмотрел платяной шкаф, пока Люси заглядывала под кровать. Потом капитан нажал каблуком на паркет:

– Заметь, иногда эта штука поскрипывает сама по себе, особенно когда жарко. Дерево увеличивается в объеме.

Люси не ответила. Она вернулась в детскую, не ослабляя внимания. Зверушки на мобиле завершили свой бег по кругу. Она осторожно открыла крышку ноутбука. На экране высветилась страница Бертрана Лесажа на Facebook, а в соседнем окне был сайт *manifeste-angedufutur* с двумя пленниками, сидящими в цилиндрах.

Здесь кто-то был. Кто-то, знающий о существовании сайта, и кто смотрел на пленников. Что и объясняло наличие еще одного подключения.

Люси подобрала с пола конверт, валяющийся прямо рядом с компьютером. В верхней части бланка значился адрес медицинской гематологической лаборатории в Бордо, одной из лучших частных лабораторий Франции, куда они сами иногда отправляли пробы ДНК для более продвинутых анализов или в случае особо сложных дел. Люси уже собралась развернуть сложенный внутри листочек, когда ее взгляд упал на большой шкаф. Одна деталь изменилась с момента, когда она первый раз заходила в комнату: дверцы с решетчатыми филенками были теперь закрыты.

Знаками она предупредила Николя о возможном постороннем присутствии. Потом подошла к шкафу и, остерегаясь оставаться на прямой линии, рывком распахнула дверцу.

Элен Лесаж завопила. Она скорчилась в углу, в халате, прижав согнутые колени к груди. Вид у нее был совершенно безумный.

9

Одри наконец удалось освоиться в большой комнате на седьмом этаже, у входа в которую висела табличка «Группа Шарко». Рисунок черным фломастером, изображающий рыбу-молот²², впитался в древесину двери и стал несмываемым, как и подпись «Под угрозой исчезновения». Мелкие сколы и царапины свидетельствовали о напрасных попытках стереть шутку. По всей очевидности, Шарко был из тех копов, на которых молодежь смотрела с глубоким почтением, а ветераны воспринимали как скалу, являвшуюся частью пейзажа и придававшую ему надежную устойчивость.

В их помещении витал запах нового дерева и хозяйственных растворителей. Каждый коп постарался восстановить свой персональный кокон постерами, сувенирами и личными тотемами. Старший капрал без труда догадалась, где чье место. Судя по афишам с женщинами-культуристками и банке с протеиновым порошком рядом с креслом на колесиках, стол здоровья Паскаля Робийера располагался слева от нее. Владения Люси у окна были заставлены рамками с фотографиями и теми поделками из бельевых прищепок или пробок, которые дети обычно дарят на День матери. Стол Николя Белланже, напротив ее собственного, был самым нейтральным и безликим. Только несколько ручек в желтоватой кружке, стопка скорошивателей, офисное оборудование и початая бутылка воды без этикетки.

Как последний новоприбывший и младшая по званию, она унаследовала рабочее место справа от двери, рядом со шкафом, где под полками архивных дел стояли кофейные чашки, тарелки, пачки с печеньем, гриль-ракетница и даже несколько бутылок игристого. Легенда не врала: здесь и ели, и спали.

Одри положила сумочку, достала термос с черным чаем и поставила его справа от второго компьютерного экрана – исключительно чтобы обозначить свою территорию. Ей дали логины, пароли, учетные записи электронной почты, а дальше разбирайся сама. Ни одного коллеги в комнате, чтобы разъяснить ей что-то в случае надобности, но, учитывая все, что на них свалилось, оно и понятно.

Едва она, со стаканчиком обжигающего чая в руке, начала обживать, как в дверь проснулась голова Франка Шарко. В руках у него был пластиковый пакетик с чипом.

– Я спущусь в Идентификацию по делу трупа в Бонди. Пойдешь со мной?

Одри вскочила с кресла на колесиках и двинулась за своим новым командиром. Чай подождет.

– Ты получила все свои причиндалы? Ствол и прочее? Сейчас все немного наперекосяк, но не пугайся, у нас не всегда так жарко.

– Смею надеяться.

– И кстати, об акуле на двери... Когда имя шутника дойдет до твоих ушей, а оно дойдет, то полагаюсь на тебя, сможешь наябедничать, идет?

– Знаете, ябедничать не совсем в моих правилах.

Он ответил улыбкой. Снова лица, «здравствуйте» и «привет», рукопожатия, на которые она отвечала со сдержанной вежливостью. Вместо того чтобы воспользоваться лифтом, Шарко направился к лестнице, и они преодолели все пять этажей пешком. Ее шеф был типом быстрым, нервным, в вечной погоне за временем. Одри задумалась, какой должна быть их семейная жизнь с Люси Энебель. Работать в нескольких метрах друг от друга, да еще при четких иерархических отношениях – это совсем не то, о чем мечтают, желая насладиться жизнью.

---

²² Игра слов. Рыба-молот – это разновидность акул, а «Shark» по-английски «акула». Имя Шарко пишется как Sharko, что и послужило поводом для шутки.

Интересно, а вечером, за столом, они что, перебирают все свои убийства или сравнивают марки стволов?

Их ждал капитан Оливье Фортран. Именно он занимался консервацией следов на месте преступления в Бонди. Крупный парень в башмаках со стальными накладками, которые при каждом шаге издавали металлический лязг.

– У меня для вас подарочки. Сегодня Рождество.

– Люблю, когда ты так говоришь, – откликнулся Шарко. – Ты еще не знаком со старшим капралом Одри Спик. Прибыла только сегодня утром и сразу угодила в пекло.

Капитан протянул ей руку:

– Да уж, сразу с головой. Ты откуда?

– Судебная полиция Ниццы.

– Там слишком много солнца, да?

Шарко заметил, как на лицо Спик набежала грустная тень. Майор поставил точку в неловой ситуации, протянув капитану пакетик с чипом:

– Можешь провести все исследования? Похоже на электронный чип. Это нашли на запястье трупа, под кожей.

Фортран отложил пакетик в сторону:

– В смысле отпечатков из письма ничего не выдоили, из-за воды. Графологическая экспертиза еще не завершена.

Он привел их в помещение, где громоздились крупные опечатанные предметы, стоявшие прямо на полу или на полках, снабженные этикетками. Они вышли на середину комнаты, где шесть деревянных щитов, расставленных прямоугольником на доске, повторяли контуры ямы. На полу и перед одним из щитов с внешней стороны ждали гипсовые слепки.

– Высушив грязь рядом с ямой, мы смогли сделать слепки отпечатков ног, которые вы здесь и видите. Не все, некоторые были слишком нечеткими. Мы их расставили приблизительно в том порядке, как было на месте преступления. Они находились именно в таком положении: одни рядом с другими. Мы выявили как минимум семь видов различных отпечатков.

Шарко нагнулся и поднял слепки. На них карандашом была написана прикидка размеров – от тридцать седьмого до сорок пятого.

– То есть ты хочешь сказать, что как минимум семь человек смотрели, как жертву рвут на части?

– Вполне логичный вывод, да. Отпечатки были свежими, учитывая, сколько воды лилось с неба. Тридцать седьмой – самый маленький размер. Скорее всего, женщина или ребенок...

Шарко и предположить не мог, что их было несколько, склонившихся над ямой и наблюдающих за агонией человека. Фортран взял пульверизатор с реагентом Bluestar, предназначенным для выявления следов крови, и отодвинул один из щитов.

– Ну, занимайте места в зрительном зале. Как в кино.

Они повиновались. Фортран подошел к выключателю и вырубил свет. Помещение без окон погрузилось в абсолютную темноту. Он вернулся к ним, подсвечивая себе фонариком, и распылил реагент на все щиты.

Шарко присвистнул сквозь зубы:

– Настоящий фейерверк.

Одри вертелась во все стороны, она была под сильным впечатлением. Щиты украсились флюоресцирующим желтым. На глубине шестидесяти сантиметров ни один квадратный миллиметр не избежал сияния под воздействием «проявителя». А дальше светящиеся капли разлетались, как рой мошкар. Крови одного-единственного человека, раненного, подвергнутого нападению, не могло хватить, чтобы покрыть такую поверхность, да еще и так равномерно.

Молодая женщина указала на отдельное пятно на метровой высоте, прямо напротив нее:

– Похоже на отпечаток животного.

– Да, размером со среднюю собаку. Есть и другие. Вот здесь. И там...

Как если бы собака с лапами в крови сама пыталась выбраться из ямы, подумал Шарко. Что же происходило в лесу? Как объяснить всю эту кровь? Через минуту свечение, вызванное напылением Bluestar, начало затухать. Фортран пошел включить свет. Потом он указал на особые зоны на щитах:

– Видите эти маленькие зазубрины, связанные с дефектами дерева? Рядом мы обнаружили элементы волосяного покрова, причем на всех шести щитах. А также нашли вырванные когти и зубы, валявшиеся в грязи на дне ямы. Я только что получил данные из лаборатории. По совокупности признаков они установили наличие восьми различных животных.

– Восьми животных? – повторил Шарко.

– Да. Длинные сухие волосинки различных цветов. Клыки различной степени изношенности... Без хромосомного анализа, который потребует некоторого времени, невозможно определить ни тип животного, ни породу, но наш специалист практически уверен, что речь идет о собаках.

– Однако, по мнению медэксперта, на жертве были укусы только одного вида, – сказала Одри, – а не восьми. Причем укусы аномально мощные.

– В таком случае шерсть и зубы были там до жертвы. Мне тут в голову пришла одна вещь...

Шарко снова увидел себя в гуще леса. Место, отрезанное от мира... Усилия и время, которые понадобились, чтобы вырыть эту дыру. И тяжелые щиты, которые пришлось тащить, чтобы укрепить ее... Крышка и растительность, чтобы ее укрыть...

– Собачьи бои?

– Именно. Собаки там рвали друг друга на части. Это могло бы объяснить большое количество крови на уровне холки породы вроде питбуля, многочисленные отпечатки лап, клыки на земле. Бросает туда двух псов – и пусть убивают друг друга. Накрываешь дыру доской и растительностью, когда не используешь ее, и до следующего боя.

– Вот только два дня назад одну из собак заменили человеком. А зрители были уже там...

Одри без труда представила себе бойню в глубине ямы и подумала о самых маленьких отпечатках. Против натасканного боевого животного, наделенного жуткой силой, у голой и беззащитной жертвы не было ни малейшего шанса.

– Дикари...

– К несчастью, наш мир полон дикарей, и те, кто организует такие бои, не из самых чувствительных.

Оливье Фортран обошел конструкцию и сделал коллегам знак присоединиться.

– И последнее, что у меня для вас есть: может, вы в курсе, что все деревянные щиты предназначены для транспортировки по Европе и должны проходить обработку в соответствии со строгими нормами химических средств защиты растений, причем эта обработка контролируется на каждом этапе. В любой момент можно выяснить, кто произвел щит, когда, откуда он, и все благодаря выжженной маркировке. И передвижение щитов отслеживается логистическими системами. Другими словами, можно выяснить названия последних предприятий, которым они принадлежали.

Он указал на один из углов щита:

– Тот или те, кто вырыл яму, большие хитрецы, потому что постарались соскрести печати с наших шести щитов, очевидно с помощью ножа. Они знают правила и наш образ действий.

– Бывшие «клиенты».

– Да, они, без сомнения, уже побывали на экскурсии в наших стенах. Но они убрали маркировку наспех и не были достаточно тщательны, чтобы обмануть глаз и аппараты специалистов. Мы предположили, что все щиты принадлежат к одному лоту, и действовали, как бы

накладывая друг на друга листы кальки. Совмещая еще читаемые фрагменты цифр и букв с разных щитов, мы сумели восстановить единый номер производителя.

Шарко высоко ценил моменты, когда шестеренки сцеплялись подобным образом. Хотя он и не любил технологию, следовало признать, что она бывала ему полезна, особенно в данный момент. Фортран достал из кармана сложенный листок.

– Слава богу, нам иногда еще везет в расследовании. Я позвонил производителю, его компания расположена в районе Рона-Альпы и снабжает около двадцати предприятий. Большая часть находится на юге, посмотрите... Лион, Марсель, Авиньон... Но в списке есть единственная местная компания. Здесь.

Глаза Шарко блеснули. Фортран отметил адрес в Пьерфите, в департаменте Сена-Сен-Дени.

Самое большое в двадцати километрах от леса Бонди.

10

Элен Лесаж обмякла на диване в гостиной, зажав ладони между коленями. Не требовалось знаний психиатра, чтобы понять, что она на грани погружения в бездну. Фиолетовые мешки под глазами, изгрызенные до крови ногти, блестящие под светом волосы с нефтяным отливом, собранные в тугие косы. Раскачиваясь взад-вперед, она уставилась потухшими глазами в открытый ноутбук, лежащий на журнальном столике; ее сжатые губы походили на росчерк темного карандаша.

– Мы знаем, что вам страшно, – проговорила Люси самым доброжелательным голосом. – Похититель вашего мужа обратился к нам, он прислал сообщение. Именно поэтому мы здесь.

– Какое сообщение?

– Письмо, в котором он высказывает свое отвращение к тому, во что превращается мир благодаря новым технологиям, генетическим манипуляциям, вообще всему, что идет против природы.

– Например, тому, что сделали мы с мужем?

Люси старалась взвешивать каждое свое слово, чтобы не торопить и не напрягать собеседницу.

– Что-то в этом роде, да. В письме он также сообщает нам, что существует интернет-сайт *manifeste-angedufutur.com*, и требует, чтобы мы не прерывали соединения с ним. На данный момент мы в том же положении, что и вы: мы не знаем, что будет дальше. Но зато мы знаем, что каждая минута на счету. Мы хотим отыскать вашего мужа, и для этого нам нужна ваша помощь.

Женщина всхлипнула и после секундного колебания протянула свой мобильник, спрятанный в глубине кармана. Но не выпустила из рук, когда Никола захотел взять его.

– Вы говорите, парижская уголовная полиция? Та самая набережная Орфевр, тридцать шесть? Значит, вы найдете моего мужа? Вы вытащите его оттуда?

– Мы все для этого сделаем.

Элен разжала руку и отдала аппарат. Продолжая слушать то, что она рассказывала срывающимся голосом, Никола прочел сообщение, которое она только что вывела на экран:

– Это случилось... в субботу, ближе к вечеру. Бертран был в гараже, он... возился со своей старенькой коллекционной «дианой». Он всегда оставался там часами в выходные, его это успокаивало, особенно сейчас... Я заметила его исчезновение, только когда получила сообщение, посланное с его телефона: *Это не Бертран, а его похититель. Ваш муж у меня. Если вы предупредите кого бы то ни было, я убью его. Будьте уверены, я это сделаю. Оставайтесь дома, закройте ставни, никому не отвечайте. Выйдите на сайт www.manifeste-angedufutur.com и ждите продолжения.* Я... я так и сделала, в точности... Я послушалась. И я... часами смотрела на эту черную страницу. Целыми днями... Пока однажды...

Она указала на экран и разразилась слезами. Никола отметил, что она помнила сообщение с точностью до запятой. Он прокрутил остальные СМС, оставшиеся без ответа, которые Элен отправляла потом на телефон мужа: «Кто вы?», «Зачем вы это делаете?», «Верните мне моего мужа...» Похититель вынудил ее ничего никому не рассказывать. Он хотел все держать под контролем, все сам решать.

– По-вашему, мужа похитили в гараже?

– Да, или в саду. Бертран оставлял дверь в гараж нараспашку, когда возился с машиной. Когда я спустилась, его тележка на колесиках наполовину виднелась из-под машины, а на полу были разбросаны инструменты.

Они пошли осмотреться на месте. «Диана Ситроен» выпуска 1975 года покоилась на подъемном устройстве. Все вокруг еще было залито антикоррозийной жидкостью. Элен Лесаж рассказала, что искала повсюду, много раз выходила наружу, потом закрыла дверь гаража. Николя скрупулезно все осмотрел, вышел под дождь в сад перед въездом, но ничего существенного не обнаружил. Дом стоял в глубине, высокие кипарисы скрывали его от глаз возможных наблюдателей. Потом все вернулись в гостиную и снова уселись в кресла. Николя достал блокнот для записей и ручку:

– Можете ли вы сообщить какие-то детали, которые способны нам помочь? Например, не заметили ли вы чего-нибудь непривычного перед исчезновением вашего мужа? Машина, стоявшая неподалеку? Коммивояжер, постучавшийся в вашу дверь? Мы полагаем, что похититель долго вынашивал свой замысел и прекрасно знал, где и когда нанести удар. Так что хорошенько подумайте. Важна каждая мелочь.

Она покачала головой:

– У меня это все время прокручивается в голове. Вы наверняка в курсе, что нам предъявлено обвинение...

Люси кивнула.

– Мы с Бертраном... последние пять месяцев переживаем нелегкий период. Он выставлен на всеобщее обозрение, под обстрел прессы, даже создал на Facebook публичную страницу для поддержки. Я оставалась в стороне, муж хотел защитить меня от этой бури в СМИ.

Она кивнула в сторону компьютера:

– На своей странице в Facebook Бертран защищает право каждого иметь ребенка. Он публикует фотографии, статьи. Многие журналисты приезжали к нам поговорить с ним. Нас просто волна затопила. Так что мне трудно сказать.

– Вы позволите?

– Конечно.

Николя записал в блокнот аккаунт на Facebook. Больше десяти тысяч подписчиков. Потом он просмотрел страницу. Бертран Лесаж вел там ежедневную битву с помощью статей, видео и фотографий себя самого, дома, пустой детской. Похитителю несложно было наблюдать за ним дистанционно, найти его адрес, порыться в личной жизни и выработать план. Ниже на двух снимках можно было увидеть оформленную в ярких цветах комнату с длинным рядом лежащих в колыбельках младенцев. Лицо одного из них было обведено.

– Вот Лука, ребенок, которого мы собирались усыновить, – пояснила Элен. – Бертрану удалось его сфотографировать в яслях Осера. Эти сволочи так и не дали нам ни разу поддержать его на руках. Сейчас Луке уже восемь месяцев. Восемь месяцев, как он растет в том заведении, ожидая родителей, попав в ловушку абсурдности французской системы. Почему они не дают нам забрать его к себе? Кто посмеет утверждать, что там ему лучше, чем с нами? Мы могли бы дать ему столько любви.

Люси испытывала сочувствие к этой совершенно потерянной женщине, но она понимала также и позицию властей. Речь идет не только о том, чтобы дать любовь, но и личность, корни, а законы биоэтики существуют, чтобы избежать возможных злоупотреблений. Те истории, которые попали в прессу, демонстрировали жестокость самой процедуры. Например, случай с тайландской суррогатной матерью: из двух благополучно рожденных ею близнецов один оказался носителем гена трисомии 21²³. Приемные родители забрали только здорового близнеца, оставив его брата-инвалида этой и без того неимущей женщине, неспособной обеспечить ни его, ни себя.

Люси постаралась сохранять дистанцию, которую требовала профессия.

---

²³ Трисомия – хромосомная патология, вызывающая синдром Дауна.

– Как началась эта история? Как юстиции удалось выявить махинацию, которую вы работали вместе с мужем и суррогатной матерью?

Элен сидела с замкнутым лицом.

– Мы здесь не для того, чтобы судить вас, – добавила Люси, – а чтобы отыскать вашего мужа. Нам нужно понять, как все это произошло.

Помолчав, та в конце концов решила довериться им:

– Все шло хорошо до расследования, инициированного социальной защитой детей. Это было последним препятствием перед тем, как забрать ребенка. Когда один из их психологов пришел сюда, чтобы понять, почему мы хотим любой ценой взять этого ребенка, мой муж сослался прежде всего на свое... отцовство. Поскольку сам он рос без отца, то считал своим долгом принять ребенка. Он придумал историю с адюльтером. Я избавлю вас от подробностей того разговора, но нам показалось, что их сотрудница проглотила нашу историю... Конечно, мы ничего не сказали ей о моем бесплодии, это немедленно навело бы на подозрения. Мы подготовили все ответы, предвосхищали все вопросы. Только мы нарвались на стерву, которая... решила сунуть свой нос в архив досье по усыновлению. Словно у таких людей шестое чувство на любой подвох.

Люси заметила, что у ее собеседницы дрожат пальцы. Легко представить себе, в каких мучениях Элен Лесаж провела последние четыре дня, запершись затворницей, которой поначалу только и оставалось, что разглядывать черную страницу, а потом агонию мужа в цилиндре, стоящем меньше чем в метре от петли виселицы.

– Она извлекла на свет божий наше дело по усыновлению. А там было указано все, в том числе и моя неспособность не только родить, но и выносить ребенка. Наше вранье свалилось нам же на голову. Когда... когда они нас вызвали, когда я увидела этих людей прямо перед собой, я... я разрыдалась и сломалась. Я призналась во всем, думая, что найду у них хоть каплю сочувствия... Мы желали этого ребенка больше всего на свете. Но они были неумолимы и дали ход юридической машине. Суд высшей инстанции, следовательно по гражданским делам... И это было только начало кошмара.

Боль затопила ее. В конце концов она встала:

– Хотите воды? У меня больше нет кофе, вообще ничего...

Они вежливо отказались. Она вернулась со стаканом воды, выпила мелкими глотками.

– Наш адвокат посоветовал предать дело гласности, чтобы связать руки судье. Все выплыло наружу в начале сентября. Удачный момент, по его словам, потому что в правительстве шли жаркие дебаты по поводу репродуктивной медицины... Ее услуги собирались гарантировать любой женщине, желающей произвести на свет ребенка. Наша идея была в том, чтобы сказать: развивая репродуктивную медицину, но продолжая запрещать суррогатное материнство, вы не оставляете выхода всем женщинам, кто не может ни предоставить овоцит²⁴, ни выносить ребенка. Женщинам вроде меня.

Она показала на экран:

– И к нам хлынули журналисты. На Facebook нас поддержали тысячи людей, многие понимали, каким образом желание иметь ребенка толкнуло нас на то, что мы сделали. И даже... даже начали говорить о создании нескольких объединений здесь, во Франции, чтобы снова запустить бесконечные обсуждения проблем суррогатного материнства. Но вы и представить себе не можете, как жестко отреагировали другие. Нам стали поступать угрозы. Некоторые злопыхатели специально подписывались на нашу страницу, только чтобы нас изничтожить, обозвать сторонниками рабовладения, обвинить в том, что мы пользуемся чужой бедностью и

---

²⁴ Овоцит – незрелая половая клетка.

даже что мы эксплуатируем... духовки для выпечки младенцев. Бертрана обозвали доктором Менгеле²⁵, вы можете такое вообразить? Как можно сравнивать его с Менгеле?

Люси знала, что тема суррогатного материнства является водоразделом, приводящим к резкому столкновению мнений. Некоторые заговаривали даже об евгенике из сострадания, об «уберизации»²⁶ женской матки. В Индии, например, суррогатные матери были собраны на «фермах» с единственной целью их эксплуатации, и богатые иностранцы приезжали выбрать младенца, как в супермаркете...

– Я перечитала и отобрала самые отвратительные комментарии. Может, похититель мужа был из их авторов?

– Вы так думаете?

– Кто знает? Мне незнакомы эти люди, которые прячутся под масками. К некоторым учетным записям доступ ограничен, другие ведут на пустые страницы. Думаю, некоторые профили фальшивые. Может даже, наши собственные соседи или друзья ополчились на нас под анонимными аккаунтами.

Нужно будет прочесть страницу и все нити, ведущие к обсуждению. Возможно, Ангел будущего, прежде чем перейти к действию, высказывал угрозы или ядовитые комментарии в их адрес.

– А кто биологическая мать?

Выражение лица Элен изменилось, губы раздвинулись, обнажив маленькие блестящие резцы.

– Она не оставила никаких следов, мы не знаем, кто она, только что она называла себя Наташей. Все, чем мы располагаем, – это видео. Мой муж... – она сделала видимое усилие, чтобы продолжить, – мой муж в тот день заснял их в номере гостиницы. Ничего в этом не было непристойного, мы только хотели... иметь хоть какое-то свидетельство, на всякий случай.

Люси кивнула, показывая, что понимает.

– Полицейские из центрального комиссариата Орлеана около двух месяцев назад попросили нас отдать им файл. Свяжитесь... с майором Фредериком Боэси.

Она ткнула пальцем в сторону Николя:

– Фредерик Боэси. Вы записываете? Вы должны с ним увидеться. Задать ему все вопросы и найти моего мужа.

Николя кивнул и записал информацию. Она продолжала:

– Я узнала, что несколько дней назад они напали на след Наташи, но, к сожалению, больше мне ничего не известно. Может, она что-то знает о том, кто совершил похищение.

– Почему вы так считаете?

– Бертран рассказал мне, что в тот вечер, когда Наташа получила деньги и в обмен рассказала о месте рождения, она чего-то боялась. Она намекнула на «свет, который может протянуть тени». Как минимум, неясное предупреждение.

– Она боялась кого-то? Чувствовала, что ее преследуют?

– Больше я ничего не знаю. И еще... Кое-что другое... Самое ужасное, конечно... Настоящий удар ножом в самое сердце, как если бы нам других проблем не хватало.

Она крутила стакан в раскрытых ладонях. Копы молчали, давая ей рассказывать в своем ритме. Николя записывал наиболее важные моменты.

– Это... наш адвокат... Благодаря видео он сумел убедить судью назначить тест на отцовство... Не помню точно, недели четыре или пять назад. Он говорил, что доказанное отцовство Бертрана может склонить чашу весов в нашу сторону... Мужу пришлось поехать в Бордо,

---

²⁵ Йозеф Менгеле (1911–1979) – врач-нацист, проводивший медицинские опыты над узниками Освенцима.

²⁶ От названия компании «Uber». Имеется в виду компьютеризация сферы услуг.

чтобы там взяли образец слюны. Я не помню названия, это какая-то сверхсовременная лаборатория.

– Медицинская гематологическая лаборатория, – сказала Люси. – Я видела конверт наверху.

– Да, точно... В этом конверте копия результатов, которые адвокат передал нам двенадцать дней назад. Мой... мой муж не является генетическим отцом Луки.

Элен Лесаж потрясла головой, не сводя глаз с экрана:

– Мы... не поверили, когда пришли результаты. Мы не понимали, у нас нет никакого объяснения, вот что самое ужасное. На записи ясно видно, как Наташа вводит себе сперму моего мужа. Она забеременела от другого мужчины и заставила нас поверить, что это сын Бертрана... Но кто настоящий отец? Он в курсе? Почему она так поступила? Чтобы получить больше денег? Впрыскивая в себя содержимое кучи пипеток?

Люси ничего не сказала, но пришла к естественному заключению: Элен Лесаж и ее муж не имели никакой биологической связи с этим ребенком.

– Вначале, когда я получила СМС с угрозами, я сказала себе, что похититель – это настоящий биологический отец. Что он нашел нас из-за освещения в прессе и захотел любым способом отомстить.

– А что вас заставило отбросить эту мысль?

– Вторая похищенная девушка... Вся эта сцена... В ней не чувствуется и следа мести. И потом, это слишком уж сложно. – Элен разрыдалась. – Они там заперты уже несколько дней. У них почти не осталось ни еды, ни воды. Вы... вы же видели, девушке пришлось мочиться в бутылку... И еще веревка виселицы... Это ужасно. Ужасно.

Люси подошла к ней и погладила по спине:

– Вы больше не должны оставаться одна. Вам есть к кому поехать?

Элен покачала головой, вроде бы даже не задумавшись:

– Нет... Я не хочу уезжать отсюда. Я не хочу его бросать.

– В таком случае я пришлю к вам кого-нибудь. Нам понадобится дополнительная информация, вроде номера телефона вашего мужа. Шансы, что похититель оставил его мобильник включенным после того, как послал СМС, очень невелики, но мы все же постараемся определить его геолокацию. Вы можете показать нам запись, где видна биологическая мать в гостинице?

Она согласно кивнула, вывела видео на свой компьютер и отошла в сторону. Люси и Николя внимательно смотрели на экран, запоминая каждую черту этой Наташи. Худая молодая женщина, поджарая и нервная. Как эта пара могла довериться ей до такой степени, что согласилась, чтобы она выносила их ребенка? Люси не понимала, но в конце-то концов, а что бы она сама сделала на их месте? После сцены оплодотворения она остановила запись. Николя отошел, чтобы ответить на звонок.

– Как только закончим здесь, сразу же отправимся в центральный комиссариат и свяжемся с майором Бюэси, – сказала Люси. – Будьте уверены, мы сделаем все возможное, чтобы вернуть вам мужа.

Элен кивнула. Николя в сторонке расхаживал туда-сюда, прижав телефон к уху, и делал ей знак подойти. Он обменялся с собеседником еще несколькими словами, дал отбой и вывел напарницу наружу, где прежде всего прикурил сигарету.

– Я не все понял, но вроде бы идентифицировали второго человека, запертого в цилиндре. Ну, не совсем точно, известен только ее ник на Facebook. Там она называет себя «Flowizz».

11

Одри только что получила свое первое задание. Прежде чем вернуться в оперативный штаб, Шарко выдал ей ключи от полицейской машины без опознавательных знаков и велел съездить по адресу предприятия, владевшего деревянными щитами и расположенного в Пьерфите.

Двадцать километров – пустяк, подумала она, садясь за руль. Но это были двадцать километров по Парижу, а здесь мерили не в километрах, а в часах, особенно после полудня и в плохую погоду. Она застряла в пробке на автостраде N1 под дождем, заливавшим ветровое стекло, посреди скрипа тормозов и глухого покашливания моторов. Красно-белые световые блески вились по стеклу под пепельным небом. Она вздрогнула, когда появившийся из ниоткуда мотоциклист едва не задел ее боковое зеркало. Потом другой, справа, заставил свой мотор взвять и кулаком постучал в дверцу, веля подвинуться. Одри заметила фары желтого грузовика с прицепом слева, когда на малой скорости вползала в туннель, серые стены которого сомкнулись вокруг нее. В ловушке под тоннами бетона. Без всякой возможности убежать, если что.

Вообще-то, она собиралась подумать над расследованием, систематизировать то, что принес этот первый безумный день, но заливающий ее пот не оставлял такой возможности. Ощущение, что чьи-то руки месят ее внутренности. Врач из клиники «Сальпетриер» говорил о возможных проявлениях побочных эффектов, таких как приступы отчаянной паники.

Куда делся тот тяжелогруз? Вот он, прямо за ней, сразу за задним бампером ее машины. Продвинуться вперед невозможно. Она не видела водителя, только темный силуэт. Ее пальцы сжались на руле, а страх начал накачивать кровь в мускулы. Она протолкалась в правый ряд. Скрип буферов, шквал гудков – неразбериха звуков билась у нее в висках. Задышавшись, она до отказа опустила стекло. Волна вони от дизельного топлива вызвала дурноту. Она немедленно закрыла окно.

Дрожащей рукой достала мобильник и набрала СМС: «Ты здесь, милый?» Через несколько секунд ей ответили: «Да, я тут. Как ты, Одри?» – «Плохо, мне страшно. Ты мне нужен. Поговори со мной».

Она с трудом дышала, запертая в салоне машины. Сосредоточилась на светящемся экране, на разговоре. Освободить свой разум, вырваться отсюда, из этого туннеля, хотя бы мысленно. «Поговори со мной. Поговори со мной еще, Ролан». Между двумя сообщениями она поднимала голову, чтобы продвинуться вперед. Когда ей пришлось ударить по тормозам, чтобы не воткнуться в машину впереди, она поняла, что ее жизнь здесь превратится в крошечный ад, если терапия не сработает. Она должна выздороветь любой ценой.

К концу полуторачасовой пытки она прибыла наконец в пункт назначения. Быстро припарковалась и вылетела под дождь, втягивая воздух большими шумными глотками.

Было уже ближе к семи, так что входные ворота предприятия оказались закрытыми. Но ей повезло: один из владельцев задержался на складе.

Естественно, первым местом, куда ее направили, оказалась транспортная компания. Одри увидела в этом знак судьбы, боевое крещение. Сумерки уже скользили по кузовам большегрузов, выстроенных на парковке. Их высокие черные бамперы напоминали голодные безжалостные рты. Молодая женщина старалась не смотреть в их сторону и побежала, как бегут от стаи волков. Она направилась к длинному зданию из черного листового железа. Через открытые ворота пробивался луч света, она проскользнула туда, закрыла за собой дверь и прислонилась спиной к металлу. Какое облегчение.

Дождь маленькими ручками царапал по жести. Колонны товаров возвышались, как стоящие рядами разноцветные высотки. Одри пришла в себя. «Хеффнер Транспорт» специали-

зировався на оптовой доставке продуктов питания и крупной бытовой электротехники. Она подошла к упакованному холодильнику и наклонилась, рассматривая деревянный поддон. Маркировка располагалась сзади, но, изогнувшись, она сумела прочитать: *FR-RH-58395*. Как раз тот номер, который восстановили Фортран и его команда.

– Что вы там делаете?

Мужчина лет сорока, в джинсах и водолазке, стоял позади нее с планшетом в руке. Одри предъявила ему свою явно новенькую полицейскую карточку:

– Парижская уголовная полиция.

Звучало странно, во всяком случае для нее самой. Она постаралась перейти на соответствующий тон и объяснила, что щиты с его склада были совершенно точно использованы для укрепления ямы, в которой обнаружен труп. Сирил Биго не дал себя запугать – он возвышался над ней, и его тень накрывала молодую женщину с головы до ног.

– Ну и что? Почему вы решили, что щиты именно с моего склада? Полагаю, вы говорили с производителем и должны были выяснить, что мы не единственные, у кого они есть.

– Да, но вы единственные, кто располагается в департаменте Сена-Сен-Дени, а преступление было совершено в двадцати километрах отсюда.

– А какое преступление?

– В чаще леса собака насмерть загрызла человека. Его лицо напоминало клубничное варенье, а печень торчала из живота.

Биго проняло. Он медленно опустил планшет:

– Черт. Жуть какая. А раз вы здесь, то... Вы подозреваете кого-то из моих людей?

– Я просто веду расследование. Полагаю, все ваши щиты отслеживаются?

– У нас случаются кражи щитов, как в любой транспортной компании, если вы к этому клоните.

– Кто ворует? Служащие или посторонние?

– Посторонние скорее бы украли эти холодильники. Нет, химичим своими силами. И ни для кого это не секрет. Раньше товар «падал с грузовика». Две-три бутылки абсента или коробки с мясом исчезали время от времени между двумя перегонами. Но логистика товаров теперь под строгим контролем, всегда в точности известно, кто что перевозит, вплоть до каждой бутылки. Поэтому отыгрываются на всем остальном, где электронного контроля нет. Провода, медь, щиты – у нас сперли даже шланги для поливки, которые валялись за складом. Шоферы имеют доступ к грузовикам и к погрузочным площадкам. Некоторые возвращаются в середине ночи. Одни прячут товар, другие его забирают. Кражи не крупные, но, когда в конце года подбиваешь бабки, становится грустно, особенно при нынешних обстоятельствах.

– У вас есть подозрения?

– Вы же понимаете, если бы я поймал кого-то за руку, у меня не было бы выбора, кроме как уволить, даже за деревянный щит. Но они обходят камеры и покрывают друг друга. Шофер – профессия тяжелая, парни стоят плечом к плечу. Мы, кабинетные, для них злые финансисты, которые гребут деньги, посиживая весь день на стуле, вы понимаете? Я не могу назвать вам какое-то конкретное имя, но мог бы сдать всех разом.

– Так и сделаем. Дайте мне список.

Он сунул планшет под куртку и предложил ей следовать за ним.

– Сколько водителей здесь работают?

– Двадцать три водителя и двое кладовщиков. Мы с братом создали это предприятие в 2003-м. Я вам все распечатаю, но, честно говоря, не вижу, кто бы мог иметь отношение к вашей поганой истории. Печень торчала, говорите?

Они вышли и обогнули склад, двигаясь к сборному вагончику. Одри заметила на стоянке пять или шесть машин, припаркованных елочкой, и отметила, что надо заглянуть туда перед уходом. Устроившись у себя в кабинете, Биго включил принтер.

– А вы не знаете, у кого-нибудь из ваших работников есть одна или несколько собак? Из сильных пород, вроде питбулей?

– Представления не имею. Я своих ребят знаю по работе, а в их личную жизнь не лезу.

– И никаких слухов о подпольных собачьих боях?

– Ни сном ни духом, сожалею. Может, вам лучше спросить их самих.

Одри чувствовала, что он не хочет неприятностей ни с копами, ни с водителями.

– А вы можете мне сказать, кто не работал в ночь с понедельника на вторник? Скажем, в районе десяти вечера.

Он сверился с компьютером и выделил шесть имен:

– Эти шестеро находились еще в дороге. Все остальные закончили работу около пяти или были в отгуле.

Она поблагодарила, оставила свои координаты и вышла, накинув на голову капюшон. Ряд фонарей за решеткой бросал на асфальт зеленоватые отблески. Одри свернула к паркингу, который заметила раньше. Эти машины должны принадлежать водителям, которые еще в дороге. Она заглянула в салоны. Чистота некоторых из них оставляла желать лучшего, но ничего подозрительного она не заметила.

Ее внимание привлек бежевый пикап, местами помятый, с тонированными стеклами на задних дверцах. Она заглянула в окно водительского места. Полная пепельница окурков... Початая бутылка кока-колы на пассажирском сиденье, лежащая на свернутой в ком куртке... Пара сандалий на полу... Ей хотелось бы найти какую-то деталь, выдающую присутствие собаки: подстилку, поводок, ошейник или шерсть... Она вернулась к задним стеклам. Даже включив фонарик на мобильнике, она ничего там не разглядела.

Эта машина действовала на ее сознание как магнит, а Одри знала, до какой степени следует считаться с собственной интуицией. Она вернулась в бюро и спросила, кому принадлежит фургончик. По слова Биго, владелец, Эмманюэль Прост, двадцати восьми лет, водитель, работавший в компании три года, в день убийства закончил около пяти вечера.

Компьютер сообщил, что сегодня тот отправился в Бельгию и должен вернуться вечером, между половиной девятого и девятью. Прежде чем пойти к своей машине, Одри постаралась довести до сведения хозяина, что его умение хранить секреты будет бесценно для них всех. Добравшись до укрытия, она просмотрела остальные строки списка. Большинству работников было от двадцати пяти до сорока лет, и жили они в радиусе километров тридцати.

Вышеозначенный Прост жил в Гуссенвиле. Согласно GPS, это в восемнадцати километрах к северу и в пятидесяти двух минутах езды, учитывая это чертово движение на дорогах.

Она посмотрела на часы. 18:55. У нее еще есть время до возвращения Проста. Адрес, только номер на улице, позволял предполагать, что он живет в отдельном доме. Одри могла позволить себе быстренько сгонять туда, только чтобы сориентироваться на местности, ничего больше, и по мере возможности выяснить, есть ли там собака. Просто чтобы заткнуть эту проклятую интуицию.

12

Шарко не удержался от соблазна все-таки выбраться из своего кабинета, хоть на пару часов. Подышать воздухом снаружи. Поработать наравне со своими людьми. В его ДНК были улицы, дождь, холод. А не войлочные покрытия и запах слишком свежей древесины.

Вместе с экспертом Летицией Шапелье он припарковался на улице Леблан, недалеко от парка Андре Ситроена и порта квартала Жавель, в Пятнадцатом округе. У него было два фонарика, но только один зонтик, и, как галантный мужчина, он протянул его даме. Они шли вдоль набережной. Шапелье подключилась к публичной странице некоей Flowizz на Facebook.

Графическое приложение с поразительной отчетливостью показывало ее тремстам друзьям всю пробежку, которая началась в воскресенье, 5 ноября в парке Родена в Исси-ле-Мулино ровно в 18:30. И прервалась в этом же парке в 19:08. Маршрут, который комментировался в реальном времени десятками людей: «Люблю тебя», «Давай, мы с тобой», «Больше пяти километров!».

То, что заставило некоторых пользователей позвонить в разные комиссариаты – потребовалось время, чтобы сопоставить звонки и довести информацию до Управления, – было последним, сделанным в воскресенье в 19:07:43, фото из тех, которые автоматически передавались во время пробежки. Дождь и темнота повлияли на качество снимка, но в правом углу среди кустов можно было различить нечто вроде белой маски с широкой улыбкой и черными усами – маски Гая Фокса, которую используют Анонимусы²⁷. Без сомнения, призрак Ангела будущего, укрывшегося в тени, который потом наверняка набросился на свою жертву и отключил ее мобильник еще до выкладывания в сеть следующей фотографии. Тщательно просчитанная работа.

На данный момент про Flowizz не было известно ничего, кроме того факта, что она ступала по этой земле тремя днями раньше, а теперь была заперта в резервуаре для воды, стоящем в помещении с бетонными стенами. Они не знали ни ее настоящего имени в реальной жизни, ни адреса. Без сомнения, она жила в Исси-ле-Мулино, но где именно?

Там, где прячется маска, находится обезьяна. Ангел будущего явно призывал их отправиться на место похищения, туда, где он устроил засаду в тот вечер. Летиция Шапелье шла вдоль реки.

– Мы идем точно по ее стопам. Она проходила здесь в воскресенье.

– У меня это в голове не укладывается. Как можно выставлять собственную жизнь напоказ, все публиковать, даже маршрут своей пробежки, причем в реальном времени? А потом они еще удивляются, что происходят такие вещи. Родители должны бы оберегать своих отпрысков от этого.

– Оберегать? А как? Очень жаль, но к такому миру мы и несемся на всех парах. Технологическое варварство стоит любого другого, и против него мы ничего поделать не можем. Вы, как и я, – мы уже в прошлом. Пока мы держим в памяти даты царствования Людовика Четырнадцатого, наша молодежь учится черпать информацию из Интернета. И вследствие этого их мозг реструктурируется. Все движется слишком быстро, и будьте уверены, что мы знаем про будущее меньше, чем наши собственные дети. У них есть фора; приспособливаться должны мы.

Мир наизнанку, подумал Шарко. Он принялся краем глаза разглядывать Шапелье. Почти такая же высокая, как он сам, держится очень прямо. Обручального кольца нет. Она его заинтриговала, в его представлении она жила без мужчины, но с ребенком, возможно, с двумя.

---

²⁷ *Анонимусы* – современное международное интернет-сообщество хактивистов.

Майор много раз пересекался с ней в Управлении – такую женщину заметишь издалека, – но ничего о ней не знал.

– Хотел бы я понять, что может подвигнуть штатских пойти работать в какое-либо подразделение полиции. Вы настоящий специалист, любая компания примет вас с распростертыми объятиями и предложит зарабатывать в три раза больше. Тогда почему?

Под зонтиком свет экрана отражался в ее глазах, как в двух темных озерах. Шарко тут же пожалел о том, что подпал под ее обаяние.

– Мой отец был жандармом, рак унес его, когда мне было двадцать лет. Он хотел, чтобы я пошла по его стопам, но я всегда ненавидела насилие. Огнестрельное оружие, кровь – это все не мое. Тогда я решила, что работать в кабинете и помогать вам станет чем-то вроде компромисса. И вот три года назад я ушла из телекоммуникационной компании и присоединилась к вам.

Внимательно слушая ее, Шарко осматривал окрестности: баржи, рельсы скоростного метро, дома на заднем плане. Не исключено, что похититель прячется где-то здесь и наблюдает за ними... Летиция указала на статую слева:

– Свернем там и зайдем в парк.

– Как вы его себе представляете, этого Ангела? Это же ваша область, Facebook и прочее. Какой профиль тут вырисовывается, по-вашему?

– Как и большинство хакеров, его грызет собственная анонимность. Действовать в тени для них мучение, им хотелось бы прокричать на весь мир, кто они, показать, насколько они гениальны, но они не могут. А вот Ангел рискнул выдать себя. Присвоив себе имя, посылая рукописное письмо, открыто нас провоцируя. В этом есть начатки игры, вызова. Он игрок, да... Часто у фашиствующих молодчиков вроде него довольно радикальные политические взгляды. Анархистские, ультралиберальные, либертарианские... Государство их враг номер один.

– То есть мы.

– Да, вот почему он обратился непосредственно к полиции. Такие индивидуумы не выходят на улицу, не бьют витрины, они действуют, укрывшись за своими экранами, анонимные и куда более опасные. Не знаю, помните ли вы, но в 2011-м в Даркнете появился Silk Road²⁸, супермаркет наркотиков, который принес своему создателю, молодому техасцу Россу Ульбрихту, миллионы долларов. Этаким компьютерный Пабло Эскобар²⁹.

Шарко кивнул.

– Росс плюнул на блестящую карьеру предпринимателя, чтобы осуществить свой безумный проект – изменить мир. Стать кем-то. Но как стать кем-то, если ты вынужден сохранять анонимность и тебя разыскивает ФБР? И тогда Ульбрихт, снедаемый жадой признания, взял себе аватару. В один прекрасный день он написал в Интернете: «Я Silk Road, рынок, личность, предприятие, все сразу. Мне нужно имя... Мое имя будет Dread Pirate Roberts»³⁰. С намеком на «The Princess Bride»³¹, фильм 1987 года, персонаж которого Dread Pirate Roberts является знаковым для гик-культуры...³² Момент, когда он обозначил свой псевдоним, стал для него началом конца. Ему больше не удавалось хранить свои секреты, он превращался в параноика, и ФБР в конце концов удалось до него добраться.

Она свернула вправо.

– Действия Ангела вписываются в такого рода демарши, но в более жестоком, более «самоубийственном», я бы сказала, варианте. Его идеи более экстремистские, больше проникнуты идеологией. О деньгах речи нет, по крайней мере пока: он ополчился против технологии

---

²⁸ Шелковый путь (англ.).

²⁹ Пабло Эскобар – колумбийский наркобарон, «Король кокаина».

³⁰ Страшный Пират Робертс (англ.).

³¹ «Принцесса-Невеста» (англ.).

³² Гик – «ботаник» или фанат какой-либо субкультуры.

и того, к чему идет человек. Он знает, что его поймают, но для него это не важно. А важно, чтобы его идеи распространились, чтобы его гнев на наш гнилой мир мог выплеснуться. Гнев, копившийся в нем месяцами, а может, и годами, и который он выставит напоказ в своем пре-словутом манифесте. Следует ожидать, что мы получим толстенный кирпич в несколько сот, а то и тысяч страниц, пропитанных ненавистью. В этом смысле он крайне опасен, и будьте уверены, он пойдет на все, чтобы достичь своих целей.

Шарко слушал, не говоря ни слова. Ангел был не первым. В семидесятых годах прошлого века, придя к выводу, что индустриальное и технологическое общество слишком отдаляется от понятия человеческой свободы, преподаватель математики Унабомбер терроризировал Соединенные Штаты своими самодельными бомбами. Они были упакованы как почтовые отправления и подписаны инициалами FC, «Fuck Computers»³³. Потом Шарко подумал о Брейвике, норвежском исламофобе, который убил семьдесят семь человек и ранил более пятисот в 2011 году, прежде чем в Интернете был обнаружен его манифест более чем в тысячу страниц.

От остальной человеческой массы их отличал только экстремизм взглядов. Они были вполне социализированы, умны, принадлежали к среднему классу, не обезглавливали животных и не носили шрамов на лицах. Они были «нормальными», обычными и потому почти не поддавались обнаружению.

Телефонный звонок вырвал его из задумчивости: звонила Одри. Она вкратце изложила результаты своих поисков и попросила разрешения съездить в Гуссенвиль. Коп задумался. Она говорила об интуиции, о фургончике с затемненными стеклами... Если она права, это могло здорово подстегнуть расследование.

– Отлично. Но только стремительный бросок, без малейшего риска. Ты просто проезжаешь мимо, быстренько все оглядываешь и смываешься, понятно? Не останавливаешься, не выходишь из машины. Если ничего подозрительного не увидишь, то возвращаешься, и мы разберемся позже.

– Понятно, шеф.

Шарко дал отбой. Он чувствовал в молодой женщине азарт своих былых лет. Он бы тоже рванул вперед, потому что, когда расследование берет вас за горло, оно сжимается вокруг и втягивает в свои мрачные извивы.

Летиция Шапелье шла дальше, направо, чтобы попасть в парк. Местность была пустынная, погруженная в вязкую темноту. Чернильное пятно в центре Города Света³⁴. Шарко ответил на второй вызов – на этот раз медэксперта – и оторопел.

Он вернулся к своей спутнице только минут через пять, ошеломленный полученной информацией. Летиция ждала его под деревом. Шарко погрузился в глубину черных радужек ее глаз, которым мигрень придавала влажный блеск.

– У вас неважный вид.

– Все будет нормально. У меня эти приступы с пятнадцати лет. Словно молотком долбит. Но я привыкла.

– Ладно... А у меня новости о человеке, который скончался у здания Управления. Я знаю, от чего он умер. Ни за что не поверите.

---

³³ В литературном переводе: «На хрен Компьютеры» (англ.).

³⁴ Так часто называют Париж.

13

Майор Фредерик Боэси, человек с военной выправкой, серо-стальными глазами и могучими руками, предложил им присесть и закрыл дверь кабинета. Когда Люси и Николая в общих чертах описали ход своего расследования, а именно похищение Бертрана Лесажа и молчание его жены, он изменился в лице. Теперь оно выражало гнев и в то же время явную тревогу.

– Ей следовало немедленно нас вызвать, черт возьми! Почему она молчала?

– Вы же знаете, как реагируют жертвы в подобных случаях, – заметил Николая. – Ее мужу однозначно грозили смертью, если она сообщит в полицию. На данный момент нам не известно ни какие требования выдвинет Ангел будущего, ни почему он напал именно на Бертрана Лесажа. Но мы будем вам признательны, если вы поделитесь сведениями о суррогатной матери. Возможно, она что-то знает и поможет нам отыскать наших двух похищенных. В обмен мы готовы сообщить вам все, что может оказаться полезным в вашем собственном расследовании.

Постукивая пальцами по столу, Фредерик Боэси внимательно посмотрел на них и оценил предложение:

– Отлично, в наших общих интересах работать вместе. Коротко говоря, ввиду широкого освещения в прессе и деликатности темы репродуктивной медицины и суррогатного материнства нас попросили всеми способами распутать эту историю. Другими словами, найти ту женщину и прояснить неясную ситуацию с отцовством ребенка.

Он откинул желтую обложку с толстого досье, лежащего перед ним, и достал фотографию удостоверения личности, которую подтолкнул к Николаю:

– Та, что называла себя Наташей, в действительности Эмилия Робен, двадцати пяти лет...

Николая посмотрел на снимок и передал его Люси. Эмилия Робен оказалась блондинкой, в отличие от гостиничного видео, на котором у нее были черные и намного более длинные волосы. Она не улыбалась, лицо было изможденным.

– Вам удалось ее отыскать?

– Мы выяснили ее настоящее имя недели три назад, вычислив следы электронного адреса, с которого был послан последний мейл Лесажу. Компьютер, с которого он был отправлен, находится в интернет-кафе Дижона.

Он положил перед собой несколько увеличенных снимков с гостиничного видео, где было видно лицо Эмилии.

– Мы отправились в Дижон, показали эти снимки завсегдадаям кафе. Несмотря на разницу во внешнем виде, некоторые узнали ее и сообщили, что она приходила с чем-то вроде складного самоката. Мы предположили, что она живет недалеко. Дижонские коллеги прочесывали район много дней и в конце концов отыскали того, кто был способен опознать ее и указать, где она живет.

Другое фото: городской квартал.

– Она снимает квартиру в одном из районов города. Мы туда нагрянули. Никого. Тогда мы провели обыск. Все было чисто убрано, но оставалось мало вещей и не было ни одежды, ни компьютера. Только фотография с удостоверения личности, которая завалилась за плинтус. Эмилия Робен получила работу в одном из мини-маркетов в Дижоне пять месяцев назад. Она расставляла товар на полках.

– Вы говорите в прошедшем времени, – заметил Николая.

– Потому что на данное время у нас нет никаких ее следов. Обычно она оплачивала квартиру чеком в конце каждого месяца, но в октябре чек не пришел. С шестого октября, то есть уже больше месяца, нет никакого движения по ее банковскому счету. И начиная приблизительно с того же периода она больше не выходит на работу и не дает о себе знать работодателю.

Больше месяца... Целую вечность. Николя записал информацию в блокнот. Возможно, у Эмилии Робен еще оставалось достаточно наличности, которую выплатили ей Лесажи или другие лохи, чтобы жить, ничего не снимая со счета. Или с ней случилось что-то нехорошее?

– Мобильник? – спросил он.

– Ни черта. Ни абонирования, ни вообще следов, что мобильник у нее имелся. Приехав в Дижон, она поменяла и банк, и кредитку.

– Как если бы хотела сжечь все мосты...

– Именно так. Немного любительский способ исчезнуть, но достаточный, чтобы прибавить немало хлопот тому, кто захотел бы ее выследить. И вполне вероятно, что она повторила свой трюк, покидая город.

Фредерик Боэси положил ладонь на досье:

– Таково сегодняшнее положение дел: мы порылись в ее семейных связях. Тупик. Мать Эмилии Робен не поддерживает связей с дочерью уже многие годы. По ее словам, Эмилия покинула родительский дом совсем молодой, чтобы жить с типом, который выставил ее вон через два года. Отец ушел, когда ей было тринадцать. Мать говорит, что в то время девочка была «своеобразной».

– В каком смысле?

– Она делала себе надрезы, типа ритуальных, особенно в области живота. Вроде никаких суицидальных намерений, только извращенная одержимость телом, которое ей хотелось терзать и использовать как игровую поверхность. Она резала себя и вставляла в раны разные предметы, вроде жемчужин. Два-три раза побывала у психиатра, а потом сбежала вместе с дружкой.

Психиатр, жемчужины в ранах... Люси вспомнила часть маленького объявления, опубликованного Эмилией: *Хотела бы помочь супружеской паре обрести счастье стать родителями, предложив выносить их ребенка. Веду спокойный, размеренный образ жизни.* Нечего сказать, очень размеренный.

Боэси протянул листок своим собеседникам:

– Согласно информации из налоговой, мы знаем, что она снимала квартиру в Понтуазе с 2013-го по август 2016-го. Мы еще не выяснили, работала ли она, жила одна или с кем-то, – короче, это еще предстоит уточнить. В сентябре 2016 года она обосновалась в квартире в Дижоне, в трехстах пятидесяти километрах отсюда. Что любопытно, она переезжала дважды после оплодотворения спермой Бертрана Лесажа. Или, по крайней мере, после того, как она его в этом убедила.

– Поскольку он не биологический отец, как мы поняли, – вставила Люси.

Майор кивнул:

– Тест на отцовство не врет: у Бертрана Лесажа нет никакой биологической связи с этим младенцем. Мы попросили лабораторию в Бордо сделать подробные анализы ДНК ребенка, исследовать некоторые элементы этой ДНК. Результаты позволят нам прижать Эмилию Робен. Когда мы найдем ее, то сравним эти элементы с ее данными. В случае соответствий у нас будет почти стопроцентная уверенность, что она его мать. Это важнейшая улика для судебного процесса.

Люси попыталась собрать кусочки пазла:

– Итак, подводя итоги, после фальшивого оплодотворения Эмилия Робен покидает парижское предместье и переезжает в Дижон. Она, безусловно, уже беременна от мужчины, который не Бертран Лесаж. Она меняет прическу, банк, отказывается от телефона, выходит в Интернет из публичных мест... Можно предположить, что она бежит от чего-то или от кого-то.

Николя подался вперед:

– От настоящего биологического отца?

Фредерик Боэси снова кивнул:

– Да, вполне вероятная гипотеза. Она скрывается. В Дижоне Эмилия Робен старается быть как можно незаметнее. Никто из соседей или коллег по работе близко ее не знает, все описывают ее как загадочную женщину, крайне неразговорчивую. «Здрасте», «до свидания» – только необходимый минимум. Даже увидев ее беременной, они не смогли узнать ничего больше.

Люси постаралась поставить себя на место молодой женщины. Какая трагедия вынудила ее бросить ребенка в роддоме? Какую тайну она скрывает? От кого пытается убежать?

Боэси продолжил объяснения:

– В октябре 2016 года, через три месяца после истории в гостинице рядом с аэропортом Шарль-де-Голль, она снова связывается по мейлу с Лесажами. Контракт по-прежнему в силе: она отдаст им ребенка, которого они так ждут.

Он отодвинулся вместе с креслом, поджав губы:

– В игре все же двадцать пять тысяч евро, серьезные бабки. Она ведет очень тонкую игру. В марте 2017-го она отказывается от ребенка, родив его в Осере, в ста километрах от Дижона, чтобы запутать следы. Из интернет-кафе назначает Лесажу встречу в Париже. Осер, Дижон, Париж: она не хочет оставлять никаких следов, никакого способа определить свое местонахождение. Потом забирает деньги и исчезает. Конец истории. Я много размышлял и не думаю, что все дело только в деньгах.

– А ваша гипотеза?

Боэси снова прикрыл ладонью толстое досье: он колебался, прежде чем поделиться плодом многих недель расследования с двумя заезжими копами. Но ему подумалось, что они преследуют общие цели.

– В тот вечер, когда она встретила с Бертраном Лесажем, чтобы объяснить, как забрать ребенка, она призналась ему, что ребенок «особенный» и что анонимность приемной семьи станет для него лучшей защитой.

– А еще она очень боялась, по словам Элен Лесаж, – добавила Люси.

– Да, она боялась. Поэтому у меня возник такой сценарий: в один прекрасный день Эмилия Робен узнает, что беременна. Она немедленно публикует в Интернете объявление, предлагая сдать внаем свой живот. Этот маленький анонс появляется... – он достает из папки листок, – 2 июля 2016 года. Чета Лесажей проявляет живейший интерес, и пятнадцать дней спустя происходит встреча в гостинице рядом с аэропортом, так как у Эмилии якобы наступает период овуляции и действовать следует быстро. Она вводит себе сперму, зная, что это не произведет ни малейшего эффекта. Если исходить из предположения, что она уже сделала мочевой тест на беременность, то этой беременности несколько недель. Эмбрион уже существует в ее животе, когда она вводит пипетку в свой половой орган.

Люси сморщила нос. Она снова увидела кадры записи, холодность, с которой была проведена процедура.

– На протяжении всей истории она убеждает Лесажей, что это их ребенок. А значит, если забыть про финансовый аспект, она не желает этого ребенка, но и не делает аборт: ей хочется произвести его на свет. После чего она уезжает жить в Дижон. Она прячется там, возможно защищая ребенка, которому предстоит родиться. После родов она передает всю информацию Бертрану Лесажу, чтобы тот официально стал отцом. Предположительно маленький Лука должен исчезнуть бог знает куда, попав в руки неизвестной пары, которая тоже, в свой черед, заинтересована в том, чтобы скрывать истинное происхождение ребенка. Идеальное укрытие для малыша...

Майор взял в руки фотографию Эмилии, взгляделся в нее, как математик в сложную задачу:

– Эмилия Робен прибегла к очень изощренному *modus operandi*³⁵. Она могла бы просто отдать его социальным службам, но она знала, что супружеская чета, готовая заплатить целое состояние, чтобы получить ребенка, даст ему любовь и внимание. Он не будет расти в приемных семьях, предоставленный самому себе... Она обеспечила ему будущее.

Сценарий был убедителен, но ни Люси, ни Николя не понимали поведения матери, которая проявляла заботу о ребенке, при этом бросив его. Какие тени гнались за ней по пятам? У Люси в мозгу вспышкой пронеслось видение младенца в колыбели и черных злонамеренных суккубов, склонившихся над его головой.

– Вот только анонимность была нарушена, и самым неприглядным образом, – добавил Бозси. – Мальчик внезапно очутился в центре медийной бури, обсуждение суррогатного материнства снова приобрело размах, дело освещалось во всех газетах. Кошмар для Эмилии Робен, которая, возможно, почувствовала, что оставаться в Дижоне опасно.

– Выставленный на яркий свет ребенок, который притягивает тени...

– Да. Эмилия Робен думает, что отец, кем бы он ни был, может ее выследить, отправившись в роддом в Осере, вычислить ее, как это сделали мы. Тогда она покидает свою квартиру и снова испаряется в неизвестном направлении. У нее есть деньги, которые она отложила, что позволит ей некоторое время не оставлять банковских следов.

– Или же она не попыталась сбежать, чувствуя себя в безопасности, и ее поймали, – предположила Люси.

Бозси согласно кивнул:

– Вполне реальная гипотеза, на самом-то деле. В таком случае ее молчание – это дурной знак.

---

³⁵ Образ действия (*лат.*).

14

Летиция Шапелье остановилась посреди аллеи:

– Электрокардиостимулятор... Он умер из-за него?

Шарко кивнул:

– Да. Аппарат полностью сгорел. По словам Шене, он раскалился до такой степени, что расплавил питающую его литиевую батарейку, задев все ткани вокруг. Не буду вам объяснять, как разрушительно это подействовало на организм жертвы. Это вызвало многочисленные кровотечения, сердце внезапно перестало биться.

Летиция опустила глаза на свой мобильник, проверила маршрут, и они двинулись дальше.

– Но такого никогда не случалось.

– Верно. Медэксперт впервые столкнулся с подобным случаем, эти аппараты обычно надежны на сто процентов, и к счастью, кстати. Но наша жертва ждала до 17:02, чтобы передать нам послание. То же время указано и в письме, и на татуировке трупа из леса, и ровно в это мгновение сгорел кардиостимулятор. Нарушение его работы было спровоцировано, другого объяснения нет.

Летиция взглядела в темноту:

– Еще метров сто до обрыва сигнала.

– Тот мужчина нервничал и умирал от страха. Мой коллега рассказал, что он просил о помощи. Предположим, он был в курсе наличия бомбы у него в груди. Так или иначе, он знал, что, если он не вручит письмо ровно в 17:02, бомба взорвется.

Кардиостимулятор, превращенный в миниатюрную бомбу... Если так оно и было, Шарко мог представить себе пытку, которой подвергся неизвестный, его ужас. С такой угрозой в груди Ангел будущего мог вынудить его совершить другие, куда более серьезные вещи, но он выбрал именно это: заставил передать письмо, которое мог бы сам отправить по почте. И убрал курьера прямо перед их «домом». Беспричинный поступок. Демонстрация силы. Напрасно Шарко ломал себе голову, он не понимал, каким образом жертва из леса могла быть связана со всем этим.

– Известно, каким образом контролировали бомбу? – спросила Шапелье.

– Еще предстоит выяснить. Обычно устройство имеет серийный номер, но после случившегося только несколько цифр поддаются дешифровке, а также имя производителя: «Car SA» или что-то вроде.

– Скудновато.

– Скучность – плоть нашего ремесла.

Аллея сузилась, растительность вокруг стала гуще. Летиция Шапелье остановилась:

– Мы на месте, с точностью до двадцати метров, я бы сказала. Где-то здесь все и произошло.

Шарко пересек поляну, пробрался между деревьями до самой ограды, которая шла вдоль тротуара улицы Монтань-де-л'Эсперу.

– Нетрудно подтащить ее сюда, перебраться через ограду и запихнуть девушку в машину.

– А дома`прямо напротив?

– Деревья, темнота, дождь... Сколько ему понадобилось, секунд двадцать? Открываете дверцу со стороны парка и запихиваете туда девушку. А если это еще и фургончик, никто ничего не увидит. Такого рода вещи куда легче проходят незамеченными в большом городе, чем в деревне, где любая незнакомая машина выглядит подозрительно. А тут парижане смотрят в основном себе под ноги.

Он вышел на тротуар напротив, глянул направо и налево и бегом вернулся обратно:

– Похититель прекрасно спланировал захват. Он знал, что молодая женщина бежит здесь по воскресеньям в одно и то же время. Он знал ее маршрут и выбрал наилучшее место для действия. Ни фонарей, ни камер наблюдения, паршивый метеопрогноз... Он ждал здесь, за деревьями, и выскочил.

Шарко задумался. Ангел будущего проанализировал фотографии, сделанные своей будущей жертвой. Легко выяснил ее привычки. Он прятался в массе ее контактов. Разумеется, под ложным профилем, но он там был.

Летиция разглядывала окрестности:

– А теперь, когда мы здесь, что будем делать дальше?

– Пороемся вокруг. Что-нибудь для нас да найдется.

Они вернулись на аллею. Шарко попросил Летицию вывести на экран последнюю сделанную фотоаппаратом Flowizz фотографию, ту, на которой появляется белая маска.

– Нужно с точностью определить место. Она бежала в ту сторону, значит это слева.

Продвигаясь в свете фонариков, они оглядывали формы деревьев, ветвей. Шарко ощущал на губах соль возбуждения. Здесь он чувствовал себя хорошо, вынюхивая, снова ведя расследование непосредственно на месте. Узнав приблизительно то место, где прятался похититель, рядом с толстым стволом, он с Летицией, ни на шаг не отстающей от него, полез в заросли. Обошел вокруг дерева. Обнаружит ли он выцарапанное на коре послание? Указатель на земле?

Летиция отошла в сторону, оставив зонтик под деревом. Вдруг она нагнулась, собираясь что-то поднять.

– Не прикасайтесь!

Коп кинулся к ней. Закрытый пластиковый пакет лежал у подножия ствола, так, что с дороги его было не видно. Надев перчатки, Шарко поднял его к глазам, зажав между большим и указательным пальцем. Сквозь него было видно, как блестит взгляд Летиции, размытый мутностью пластика.

Внутри находился бежевый конверт, подобный тому, который передал незнакомец с кардиостимулятором.

15

В дактилоскопической лаборатории на втором этаже женщина-техник в стерильной одежде со всеми предосторожностями открыла закрытый на молнию пластиковый пакет. Всем элементам – пакету, конверту и письму – предстояло пройти через различные процедуры снятия отпечатков в зависимости от типа носителя. Для бумажной поверхности наиболее эффективным способом оставалось погружение в нингидрин, но химическая реакция требовала около двадцати четырех часов для выявления возможных папиллярных следов.

Шарко не желал ждать почти сутки, чтобы заполучить письмо. Поэтому техник немедленно сфотографирует содержание, прежде чем приступить к обработке, и пошлет снимок на телефон майора, который уже сидел на совещании пятью этажами выше.

Оперативный штаб был набит под завязку, там были все, от исследовательской группы до отдела киберпреступности. Общим числом двадцать копов или экспертов различных специализаций, каждый из которых по очереди подводил итог своим результатам этого долгого дня. Из-за нехватки мест некоторым пришлось стоять. Так функционировала уголовная бригада – «дорожный каток», неукротимая сила, подключавшая различные службы, все разраставшаяся и разраставшаяся по мере продвижения расследования. Единожды запущенный, этот «каток» был неостановим.

Во главе стола Шарко обобщал получаемую информацию на белой доске, разделенной на три графы: «Лес Бонди», «Неизвестный с письмом», «Ангел будущего». Четыре гигантских экрана в глубине приковывали все взгляды. Бертран Лесаж лежал в своем цилиндре, сложив ладони под правой щекой. Flowizz оставалась сидеть, обхватив руками ноги. На другой экран были выведены их страницы на Facebook. Последнее фото, посланное камерой молодой женщины, увеличенное и, соответственно, худшего качества, занимало четвертый экран. На заднем плане виднелась белая маска и едва угадывался расплывчатый силуэт Ангела будущего.

Шарко старался не дать себя захлестнуть размаху и разветвлениям дела, даже если у него возникало ощущение, что он рулит десятью вещами одновременно, превращая свой мозг в пакетик конфетти. Он обозначил приоритеты:

– Завтра с самого утра мне понадобятся два жандарма на улице Монтань-де-л'Эсперу. Будут стучать во все двери и выяснять, не найдется ли человек, который видел или слышал что-то в вечер похищения молодой женщины.

Он выложил на стол три банкноты по двадцать евро.

– Кто-нибудь пожертвует собой во имя пиццы и питья? Как минимум одну с соусом болоньез. Не забудьте перец и коку. И не только коку-лайт, лично мне нужен сахар, ночь будет долгой.

Молодой коллега встал, взял деньги и вышел. Шарко обвел в кружок «производитель кардиостимулятора „Car SA“».

– Найдите этого производителя кардиостимуляторов, их наверняка не толпы. И все отслеживается, от больниц, закупающих эти штуки, до врачей, вставляющих их в грудь, и пациентов, которые их носят... Вроде как номерные знаки на машине, я думаю. Когда получим название фирмы, то, во-первых, окажемся в шаге от установления личности нашего курьера, а во-вторых, неизбежно приблизимся к Ангелу: он знал, что жертва носит кардиостимулятор. А такие вещи на лбу не написаны. Может, он работал или работает в этой компании? В больнице, где оперировали жертву? Или имеет доступ к медицинским данным, связанным с такими операциями? Я хочу знать.

Он повернулся к Паскалю Робийяру:

– Что у тебя с жертвой из леса?

– Профиль ДНК пришел из лаборатории после полудня: мимо кассы, жертва остается неизвестной. Что касается лица: по мнению токсиколога, использована соляная кислота высокой концентрации. Промышленная кислота, и убийца располагал только небольшим ее количеством, иначе он растворил бы все тело. Такого рода кислоту нетрудно раздобыть, если не закупаешь ее бочками. Я составил протокол и отправил его не больше часа назад в Нантер, чтобы они посмотрели в SALVAC³⁶, уточнив, какие характеристики преступления следует рассматривать в первую очередь: уничтоженное лицо, отрезанный палец, укусы, промышленная соляная кислота... Техник ответил, что займется завтра с самого утра. Кто знает.

Шарко кивнул, потом посмотрел на Николая и Люси:

– Что там с Орлеаном?

– Копы из тамошнего Центрального управления под руководством майора Боэси корпят над этим делом не покладая рук, – ответил Николай. – Они окажут нам ценную помощь и займутся опросом соседей Лесажей. Мы затребовали локализацию телефона мужа, Бертрана. Именно с его телефона Ангел послал эсэмэс Элен Лесаж после похищения. Завтра станет известно больше.

Люси пересказала их беседу с Фредериком Боэси: бегство суррогатной матери из Дижона. Ее исчезновение. Гипотеза, что она использовала чету Лесажей, чтобы ребенок исчез в неизвестности, но при этом обеспечив ему будущее. На данном этапе копы представления не имеют, существует ли хоть малейшая связь между Эмилией Робен и похищением Бертрана Лесажа, но очень желательно не обходить вниманием продвижение расследования орлеанских коллег.

Шарко кивнул и пробежал свои заметки:

– Хорошо, значит, держим руку на пульсе... Так, а что с резервуарами для воды? Есть идея, откуда они?

Старший капрал Спик подняла руку и пояснила, что только два строительных центра продают такие модели, но, судя по результатам ее поисков, во Франции ими могут торговать около трехсот хозяйственных магазинов, и штук тридцать из них располагаются в окрестностях Парижа. А значит, пока непонятно, заперты пленники в парижском районе или в глубине Бретани.

– Продолжайте копать, нельзя бросать ни один след. Обзвоните магазины, каждый в отдельности, если потребуется. Учитывая размеры, резервуары не из таких, которые покупают каждый день. Тем более два зараз.

Он ткнул кончиком маркера в бумагу у себя за спиной и продолжил:

– Что до леса Бонди, Одри Спик продвинулась в истории со щитами, которые использовали, чтобы укрепить яму. Они с предприятия в Пьерфите. Там трудятся человек двадцать, щиты постоянно воруют, и не исключено, что кто-то из служащих в деле. Она сейчас отправится в Гуссенвиль, один из служащих вызвал у нее подозрения, и нужно просто осмотреться.

Он оглядел свою картинку, отметил несколько ключевых данных:

– Что касается укусов, есть новости. Медэксперт поговорил с ветеринаром и подтвердил, что речь идет о челюсти собаки породы американский стаффордширский терьер, без всяких сомнений. Помните об аномальном размере ран и силе укусов? По мнению ветеринара, это связано с генетической проблемой. Отдельные породы естественным путем, вследствие мутаций, которые передаются из поколения в поколение, производят на свет сверхразвитых особей. Насколько я понял, из-за ошибки в выработке какой-то штуки, которая ограничивает рост мускульной массы. Такое иногда случается у быков бельгийской бело-голубой породы, у малых английских борзых и, среди многих прочих, у интересующих нас американских стаффов... Загляните в Интернет, наберите «собака миостатин»³⁷ или что-то в этом роде, тогда поймете.

---

³⁶ Система анализа связей актов насилия, совершенного при преступлениях. (Примеч. автора.)

³⁷ *Миостатин* – белок, который подавляет рост и дифференцировку мышечной ткани. Кодирован определенным геном.

И я хочу, чтобы вы покопались в сетях насчет нелегальных собачьих боев, надо посмотреть, работал ли кто-то из коллег над таким делом в последнее время.

Он взглянул на Летицию Шапелье: та, продолжая внимательно слушать, уже набирала что-то на клавиатуре своего ноутбука. Рядом со стаканчиком воды лежала упаковка таблеток, на которую поглядывали Николая и Одри: дюмеронол... Врач из клиники «Сальпетриер» говорил, что это препарат, предназначенный для страдающих сильными мигренями.

– Сама Flowizz из Исси, судя по маршрутам ее пробежек, которые начинаются и заканчиваются в парке Родена, – продолжил Франк. – Можно предположить, что прежде, чем начать пробежку, она выходит из дома, немного идет пешком, до времени не включая свою систему, чтобы другие пользователи не знали, где именно она живет, и, только приступив к тренировке, включает камеру и GPS. Нам понадобятся помощники, чтобы разобраться с ее аккаунтом на Facebook... Найти агрессивные комментарии, профили, совпадающие с подписчиками Бертрана Лесажа. Будем исходить из того, что Ангел один из подписчиков.

– Или «был» подписчиком, а в таком случае найти его будет непросто, – вставила Летиция. – Я постараюсь договориться со своим начальством, чтобы этим занялся кто-то из наших, один-два человека. Еще у нас работают стажеры, можно их подключить.

– Отлично. У вас есть что-нибудь новое по поводу сайта *manifeste-quo-mo-tam*?

– Да, но ничего обнадеживающего, к сожалению. Как и следовало ожидать, владельца доменного имени *manifeste-angedufutur* не существует. Я подключила к делу моих лучших специалистов, которые подтвердили, что его соединения с сайтом не поддаются отслеживанию, поскольку транслируются через множество серверов, расположенных за границей. Провайдер дал нам доступ к истории и директориям сайта, в которых Ангел может устанавливать программы или создавать веб-страницы типа той, которая сейчас выведена на экран. В этих директориях обнаружилось множество странных штук, исполняемые программы, без сомнения созданные Ангелом.

– Для чего нужны эти программы?

– Не знаю, исходные коды и вовсе недоступны, поскольку все эти программы закодированы. Если перевести с программистского жаргона, можно сказать проще: очевидно, они там существуют для взаимодействия с выводимыми на экран страницами и включатся в определенные моменты. Когда? Почему? Опять-таки пока не знаю. Постараемся с этим разобраться... Как только будет время.

Шарко глянул на свой вибрирующий мобильник и снова обратился к полицейским:

– Время, время... В этом вся наша проблема. Вот, техник из лаборатории переслала мне содержимое письма. Опять рукописное. Кто-нибудь может вывести его на экран?

Пока один из них манипулировал с телефоном шефа, Люси в ожидании прибытия пиццы занялась раздачей кофе и чая. Лица у всех были серьезные, никто не разговаривал, хотя обычно шуточки так и сыпались. Но как можно смеяться с такими картинками на экранах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.